

ской гаванях недостаточно для перевозки ежедневно являющихся пассажиров: их так много, что они иногда не находят места для временного своего помещения до дня отправления. Здешние судохозяева, в уверенности, что и на будущей годъ явится такое же число переселенцевъ, если не больше, заказали в Швеции и Норвегии новые корабли къ будущей осени.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ письмѣ изъ Венеціи отъ 27-го Апрѣля извѣщаютъ, что по недостаточности состоянія Маршала Мармона едва можно было сдѣлать ему приличное погребеніе. Графъ Шамборъ, узнавъ объ этомъ, взялъ всѣ расходы погребенія на свой счетъ.

— Испанское Правительство изъявило согласіе на построеніе желѣзной дороги изъ Мадрида къ Французской границѣ. По составленному имъ плану, дорога сія соединится съ Французскою въ Ирунь.

— Туринскій Городовой Советъ назначилъ фельд-вебелю Сакки, за спасеніе части пороховыхъ запасовъ отъ взрыва, ежегодное жалованье въ 1200 лиръ, даровавъ ему права гражданства. По его имени будетъ названа одна изъ городскихъ улицъ.

— Изъ Вашингтона пишутъ, что Австрійскій Посланникъ Гилъземанъ узвѣщаетъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ отпускъ, доколь Г. Вебстеръ будетъ управлять Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Причиною его отъѣзда полагаютъ холодность между этими двумя политическими лицами; однако же она не подаетъ повода къ разрыву между обоими государствами.

— Кажется, что экспедиція Генерала Флореса противъ Экваторской Республики важнѣе нежели вообще думаютъ. Его поддерживаютъ Чили, Венесуэла и Перу, желающіе возстановленія порядка.

— По письмамъ изъ Александріи отъ 24-го Апрѣля, напечатаннымъ въ Висскихъ газетахъ, миролюбивое окончаніе вопроса о танзиматѣ произвело въ Египтѣ всеобщую радость. Въ замѣнъ уступки, сдѣланной Египетскому Пашѣ, будетъ онъ ежегодно платить по 150,000 мышковъ дани больше нежели до сихъ поръ. Оставалось еще устроить нѣкоторыя дѣла по наслѣдству Мегеметъ-Али, но они не могли произвести новыхъ затрудненій.

Тунисъ, 25-го Апрѣля. Коммиссаръ Порты Салиманъ-Бей, прибывшій изъ Константинополя, привезъ Бюю титулъ намѣстника и нѣсколько орденовъ.

ГЕ-Ю-КО *.

Три правила. (Разсказъ первый.)

I.

Прошло для Абхазіи славное время князей, говорилъ Ге-ю-ко, нѣтъ теперь ни тѣхъ удалыхъ наездниковъ, нѣтъ и безстрашныхъ, вѣрныхъ нукеровъ!.. Бывало, темною ночью, гдѣ нибудь на распутьѣ, въ скалахъ или въ трещинѣ Казбека, на шагъ отъ пропасти и князя кровометителя, заснетъ путникъ. И спокоевъ сонъ его, и страшныя грезы не сжимаютъ груди наездника холодомъ ужаса. Вѣтеръ свищетъ кругомъ, и какъ шутникъ шайтанъ, рветъ то сосну, то глыбу кремня, швыряя ихъ въ бездну. Съ визгомъ, испуганная шакалка скользитъ по косогору; осторожный хищникъ, чуткій какъ заяцъ, зоркій въ темную ночь какъ сова, крадется къ своей жертвѣ, готовый перерезать вздохъ въ груди оплошного путника; по мѣткая винтовка дрожитъ въ рукѣ его, и самъ онъ, какъ змѣя, узломъ связанная, прячется за камень. Всѣ бѣды и опасности темной горной ночи не страшны были путнику. Сонъ, душу и тѣло его стерегли вѣрные стражи — нукеры безстрашные и неутомимые. Теперь нѣтъ такихъ слугъ; извѣданы они!

Таковъ былъ нукеръ Хатымъ, слуга и товарищъ славнаго Цебельдинскаго ** Князя Рузырь-Ума. За-

* Ге-ю-ко, значитъ страстующій разсказчикъ въ Горахъ Кавказскихъ, то же самое, что *масальджи* въ Турецкихъ кофейняхъ. Подъ этою рубрикою, будутъ помещены въ Свѣрней Пчелѣ нѣсколько сценъ и повѣстей изъ восточныхъ горскихъ и Персидскихъ нравовъ.

** Цебельда — одинъ изъ округовъ Абхазіи.

каленный въ дѣлахъ, какъ прадедовская шашка, неизменный, какъ вѣрное дуло винтовки, Хатымъ повсюду былъ съ княземъ: въ наздахъ и на джигитовкахъ, на джематахъ * и звериныхъ травляхъ. Князь не считалъ своихъ коней и атаръ **, не зналъ цѣны своимъ золотымъ уздечкамъ, своимъ Кубечинскимъ ружьямъ и Хоросанскимъ кинжаламъ. Все это въдалъ вѣрный Хатымъ, правая рука, правый глазъ и разумъ князя. Зависть, ржащина человеческого сердца, всегда найдетъ для себя мѣстечко въ глазахъ друзей и недруговъ.

— Пхе! отчего Хатымъ лучше насъ? говорили другіе княжескіе нукеры. Развѣ его шашка рубить камень, какъ кабанье сало? Развѣ его винтовка бьетъ одной пулей на три смерти? Не шайтанъ же сидитъ въ ножнахъ его кинжала, и не одинъ онъ умѣетъ подставить свой лобъ врагу, сберегая въ схваткѣ княжескую кольчугу отъ трещины?

«Э... эхъ, кунаки, сказалъ однажды Хатымъ своимъ товарищамъ, подслушавъ ихъ завистливыя рчи: кто бьетъ изъ винтовки безъ прицѣла, дарить зарядъ вѣтру? Говорите, не подумавши, обижаете совѣсть джигита...»

— Говори, говори, Хатымъ, кидай намъ грязью въ глаза и въ уши, отозвались насмѣшливо нукеры.

«Не подумали вы, продолжалъ Хатымъ, о томъ, что кому больше даютъ, съ того больше и спрасятъ! Провинись ты, онъ, другой, пятый, — князь выгонитъ изъ аула, и только; сдѣлай же я бѣду... не пройдетъ и дня, какъ арбу повернутъ оглоблями вверхъ, да на моей же уздечкѣ меня и повѣсятъ! Все такъ: кому больше вѣры, тому меньше милости. А я человекъ, въ такихъ же хожу чприкахъ (сапогахъ) какъ и вы, и такъ же спотыкаюсь. Помните, кунаки, три правила: «Не вѣрь ясырь въ ласку джигита; жень правды не говори, и чужаго дитяти за свое не бери.» Первое, по словицъ гууровъ, сегодня ласкаютъ, а завтра таскаютъ; не успеешь мигнуть, какъ и сбудется; второе, пожалуй, всякій испыталъ изъ васъ, а третье доказать можно... Вотъ хоть бы у меня есть Азретъ, пріемышь; малъ, еще безъ разума, мой чурекъ вѣль, моимъ молокомъ вскормленъ, а покажи ему два абазы — продастъ Хатыма, какъ рваную бурку.

— Красно говоришь, Хатымъ, замѣтилъ одинъ изъ нукеровъ: только къ тебѣ этой присказки не примынь.

«Пхе! хорошо же, кунаки. Не взойдетъ солнце Абхазіи и десяти разъ, какъ я докажу вамъ правду словъ моихъ.» Старый нукеръ поклялся даже на кинжалъ сдержатъ свое обещаніе. Завистники, довольные бесѣдою съ княжескимъ любимцемъ, разбрелись по скальямъ.

Прошло дня два. Князь ухалъ въ Кабарду для какихъ-то важныхъ переговоровъ; онъ даже не взялъ съ собою своего любимого сокола. Хозяиномъ въ аулѣ остался Хатымъ, и приступилъ къ дѣлу.

II.

— Что такъ задумался, Хатымъ? Зачѣмъ изъ подъ густыхъ бровей глаза твои смотрятъ тоской и грустью? говорила молодая жена Хатыма, ласкаясь къ мужу.

«Такъ, Асанъ... не весело... дума есть...»

— Дума? Ахъ, *асхей-асхану!* (отецъ отцевъ моихъ!) и ты не хочешь раздѣлить ея со мною?

«Боюсь, Асанъ: женская скромность — прорванная плотина. Тайны въ васъ не спрячешь, какъ не спрятать пглы въ мышки!»

— Но развѣ я когда разбалтывала что мовъ подругамъ?

«Да не было случая, душа души моей, Асанъ»

— А развѣ я могу разболтать?

«Можешь... ты женщина.»

Асанъ надула свои розовыя губки, и, скрывая слезы оскорбленнаго самолюбія, отошла въ противоположный уголъ сакли.

Старикъ таянственно улыбнулся.

«Не сердись, Асанъ, сказалъ онъ. Тайна, которую ты хочешь знать, стоитъ головы моей.»

— А развѣ для меня жизнь твоя не дороже моей собственной?

«Можетъ быть, но какъ нибудь проговорилъсь, и прощай Хатымъ.»

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала горянка, подбѣжавъ къ мужу: клянусь тебѣ беречь тайну, какъ красоту свою!

«А! ну, пожалуй, этой клятвѣ повѣрять можно. Изволь, скажу.»

Любопытная Асанъ даже вздрогнула отъ удовольствія, уставивъ на мужа взглядъ вопроса и нетерпѣнія.

«Видишь ли, въ чемъ дѣло, началъ Хатымъ. Вчера попался мнѣ въ аулѣ бродяжнй *хожуко* (знахарь); сама знаешь, народъ этотъ насквозь все видитъ; отъ него не спрячешь абазы въ карманъ и мысли въ душу. Вотъ остановилъ онъ меня, да и говорить: славный ты человекъ, Хатымъ; во всемъ тебѣ счастье, да въ одномъ Аллахъ отказалъ. Нѣтъ дѣтей у тебя, а я знаю, что ты самъ, да и жена твоя, не прочь бы приглубить родное дѣтище.»

— Ай, ай, Хатымъ! Какъ же онъ узналъ, о чемъ я думаю? спросила Асанъ.

«Затѣмъ онъ и *хожуко*, душа души моей.»

— Ну... ну, что же потомъ?

«Вотъ онъ и говоритъ: добрый ты человекъ, Хатымъ; такъ и быть: я тебѣ помогу, дамъ вѣрное средство, будетъ у тебя сынъ, джигитъ.»

— Сынъ! вскричала горянка съ какимъ-то наивнымъ восторгомъ, захлопавъ въ ладоши... Ай, ипташи (голубчикъ) Хатымъ, какъ это хорошо! Что же, сказалъ ли *хожуко* средство?

«Сказалъ. Надобно, говоритъ, достать ученаго сокола, ощипать его, изжарить.»

— И вѣрно... мнѣ съѣсть?

«Ты угадала...»

При послѣднихъ словахъ горца, Асанъ съ видомъ восторга и, какъ будто бы обрадованная какою-то находчивою мыслию, приложила свой хорошенькій дальчикъ къ розовымъ губкамъ, бросила выразительный взглядъ на мужа, и сказала:

— Знаю. Я придумала, я научу тебя гдѣ взять сокола.

«Тѣ... тѣше, Асанъ, говори въ полгоса, кто нибудь подслушаетъ. Ну?»

— У князя, слышишь ли, ипташи Хатымъ, у князя!

Горецъ печально кивнулъ головою.

«Ахъ, Асанъ, съ глубокимъ вздохомъ сказалъ онъ, бѣда ужъ сдѣлана.»

— Какъ! Есть соколъ, есть у тебя?

«Есть... ошпанъ и изжаренъ любимый соколъ князя.»

— Гдѣ же, гдѣ онъ? Скорѣе, Хатымъ, давай, я его съѣмъ.

«Вонъ онъ, на скамьѣ, завернуть въ твою старую чадру. Смотри же, Асанъ — никому ни слова, не то я пропаль...»

— О, ни за что, ни за любовь, ни за золото! Спасибо, спасибо, ипташи Хатымъ, кричала вслѣдъ горянка уходившему изъ сакли мужу.

Оставшись одна, жена Хатыма, озираясь со страхомъ, какъ бы боясь свидетеля, какъ бы опасаясь, чтобы изжаренный соколъ не выпорхнулъ въ крошечное окно сакли, осторожно подошла къ указанному предмету. Лице ее пылало горячимъ румянцемъ, глаза радостью и удовольствіемъ; дрожащими руками развернула она чадру, рзвю улыбнулась, и жадно схватила дорогое жаркое. Но, въ ту же минуту скрипнула дверь сакли, и на порогъ ея показалась Юзефи, подруга и молочная сестра Асани. Последняя быстро завернула въ чадру свое сокровище, стараясь скрыть его; но ея волненіе и разсѣянность, съ какою она отвѣчала на обычное пріѣтствіе гостя, не скрылись отъ опытнаго взгляда Юзефи...

«Что это у тебя, душечка Асанъ, въ чадрѣ?»

— Ничего... такъ... Сядься, Юзефи, разскажи, что слышала новаго у колодезя? *

«Новаго нѣтъ, душечка Асанъ. А вотъ новое, что ты скрываешь отъ меня что-то.» И любопытная гостя уставила неподвижный взглядъ на чадру.

* Обыкновенно у горскихъ женщинъ всѣ новости сообщаются и подслушиваются у колодезей, гдѣ, съ своими глиняными кувшинами, горянки проводятъ по нѣсколькимъ часамъ.

* Джематъ и хазъ — суды, собранія старшинъ.

** Атаръ — стадо барановъ.

— Тутъ ничего нѣтъ, право, ничего.
«Такъ покажи.»
— Нельзя, никакъ нельзя, родная моя Юзефи! Это тайна, страшная тайна!
«А, такъ ты боишься мнѣ ее доверить? Хорошо же; за это и я не скажу тебѣ, какой подарокъ привезъ мнѣ мужъ изъ Цебелды.
— Не сердись, душечка Юзефи; нельзя сказать; если скажу, моего мужа повѣсятъ! Да!.. вотъ какая тайна!
«Ну, не надобно, не говори. За то и я все спрячу отъ тебя, какъ лице подъ чадрую отъ взгляда гяура.»
— Ну, хорошо, я скажу тебѣ только два слова, и больше не проси. Въ чадру спрятанъ изжаренный соколъ, ученый; хожуко научила меня съезъ его, чтобы у насъ былъ сынъ джигитъ.
«Право?»
Асанъ таинственно и граціозно кивнула головой, сопровождая это движеніе выразительнымъ взглядомъ.
«Ахъ, взглядъ очей монкъ, Асанъ! покажи; дай мнѣ кусочекъ.»
— Ни за что! Какъ можно?
«Только ланку, душечка Асанъ!»
— Нѣтъ, нѣтъ, ни крошки!
«Хоть крылышко, Асанъ, родная моя, вѣдь и я хочу быть матерью. Ну, сердце моего сердца, только кусочекъ, одинъ, маленькій, ничтожный!»
Юзефи такъ крѣпко цѣловала свою подругу, называя ее всеми пѣжившими именами; въ голосъ ея было столько мольбы и просьбы, что Асанъ невольно удѣлила крылышко сокола сестрѣ своей.
— Ахъ, какъ вкусно, какъ хорошо! А послѣ... Женщины таинственно перемигнулись.
«Позавидуютъ намъ Марха и Юзбейла.»
— О, да! досадно будетъ имъ. Только смотри Юзефи, никому ни слова.
«Какъ можно!»

— То-то; вѣдь соколъ-то любимый налетѣ князя..
«Ай, ай, Асанъ! Вотъ ужасъ! Какъ же теперь?»
— Мужъ скажетъ, что улетѣлъ... и ничего!.. Женщины потолковали о будущемъ своемъ счастьи, окончательно уничтожили птицу, и разстались. Однако, не смотря на клятвы и обѣты, Юзефи не могла сохранить тайны, и первой встрѣчной подругѣ рассказала подробно о своемъ благополучіи.
Къ вечеру уже все населеніе аула за тайну передавало другъ другу чрезвычайную исторію о похищенномъ и съденномъ соколѣ.
Пріяхъ князь, позвалъ къ себѣ Хатыма и спросилъ сокола. Нукеръ упалъ въ ноги, и объявилъ, что соколъ вылетѣлъ на скалы, и разорванъ орлами.
— Ничего, сказалъ князь, встань, Хатымъ; это не бѣда; прональ, такъ прональ, достанемъ другаго. Но между тѣмъ зависть не дремала. Ночью князю донесли на его любимаго нукера. Рузырь-Умъ допросилъ Асанъ, и бѣдная жена обвинила мужа. Князь былъ раздраженъ, призвалъ къ порогу своей сакли опального слугу, и, не смотря на его старыя заслуги, покорность и просьбы о помилованіи, рѣшилъ примѣрно наказать обманъ.
— Двадцать лѣтъ я вѣрилъ въ тебя, Хатымъ, какъ въ свою совѣсть, сказалъ Рузырь-Умъ, а ты рѣшился, презрѣнный шакалъ, на позорный обманъ! Кто мнѣ поручится, что всѣ твои услуги не были основаны на ловкой лжи и хитрости? кто мнѣ поручится, что цѣлыя агары барановъ не перепроданы тобою въ Цебелду! Ты презрѣнный плутъ, Хатымъ! Приготовься; завтра я тебя повѣшу, въ примѣръ и острастку другимъ.
III.
Хатыма окружила толпа нукеровъ и, готовая стеречь пріятеля до утра, отвела его въ саклю.
«Не плачь, Асанъ, сказала равнодушный старикъ, встрѣченный воплями жены. Не рви ни чадры, ни волосъ твоихъ: я тебя прощаю. Воля Аллаха

и князя! Садитесь, кунаки, продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, побесѣдуемъ!
Вотъ, говорилъ Хатымъ, поставивъ на скамью два огромные мѣшка, туго набитые абазами, здѣсь все мое богатство. Теперь оно мнѣ не нужно, и потому я раздѣлю его между тѣми, кого люблю.»
При послѣднихъ словахъ толпа сдвинулась въ тѣсный кружокъ около Хатыма, уставивъ жадный взглядъ на груды серебра.
Старый нукеръ насмѣшливымъ взглядомъ окинулъ своихъ пріятелей, медленно раздвинулъ серебро на нѣскольکو пригоршней, и сказалъ: «Вотъ эта горсть, направо, женѣ; эта, налѣво, моимъ кунакамъ, княжескимъ нукерамъ; прямо, моему пріемшму, Азрету, а вотъ эта, самая большая, тому, кто меня повѣситъ!»
Гости вопросительно переглянулись, между тѣмъ какъ старикъ разсыпано принялся пересыпать серебро. Звонъ абазовъ, соблазнительный блѣскъ ихъ жегъ глаза джигитовъ; толпа начала шептаться...
«Ну, кто же?» спросилъ старикъ.
— Стой, родной мой Хатымъ! вскричалъ маленькій Азретъ, раздвигая тѣсный кружокъ назидниковъ. За что мы, твои кровные, позволимъ повѣсить тебя какому нибудь врагу! Отецъ, дай, я тебя повѣшу!
«Такъ и есть, змѣнная кровь: я ждалъ этого, холодно сказалъ Хатымъ, быстро собравъ серебро и спрятавъ его въ мѣшки.—Ну, кунаки, продолжалъ онъ, теперь, кажется, ясно доказалъ я вамъ справедливость трехъ правилъ: въ ласку джигита не вѣрь; женѣ правды не говори; чужаго дитяти за свое не бери!»
— Правда! правда! отозвались назидники.
«Ага! Ну, такъ теперь вамъ нечего мнѣ завидовать. Князю я буду служить по-старому.»
— Какъ такъ? А соколъ? вскричало нѣсколько голосовъ.
«Соколъ живъ, онъ спрятанъ въ пустой княжеской саклѣ. Иди, Асанъ, къ Рузырь-Уму, и расскажи ему всю правду.—Ты, мысль моего сердца, съела дикую курицу...»
В. С.— в.— в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ СТЕПАНА ИВАНОВА ЛИТОВА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ станціи Московской Жельной Дороги, въ домъ Графини Эссенъ-Степюкъ-Ферморъ, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ домъ Г-жи Калачаковой, сверхъ многихъ другихъ поступили въ продажу слѣдующія книги:

- ОПЫТЪ ОБЩЕСРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ РУССКАГО ЯЗЫКА**, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Спб., 1852. Цѣна 1 р. 75 к. сер., за перес. за 4 ф.
- ОПЫТЪ ОБЛАСТНАГО ВЕЛИКОРУССКАГО СЛОВАРЯ**, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Спб., 1852. Цѣна 1 р. 25 к. сер., за пересылку за 3 фунта.
- МАЛЕНЬКІЕ НАТУРАЛИСТЫ**, или Семейныя бесѣды о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ, соч. Г-жи Ульякъ-Трематеръ, переводъ Госпожи Ротчевой. Два тома, съ множествомъ картинъ. Спб., 1852. Цѣна съ картинками 3 р. 50 к., съ раскрашенными 4 р. 50 к. сер., за перес. за 4 ф.
- ДѢТСКІЙ ТЕАТРЪ В. А. М.**, заключающій въ себѣ три пьесы: 1) Добрыя дѣти. 2) Первое Апрель. 3) Сабля инвалида, въ двухъ дѣйствіяхъ. Спб., 1852. Цѣна 50 к. сер., на пересылку за фунтъ.
- РУКОВОДСТВО КЪ РАЗВЕДЕНІЮ КАМЕЛИЙ**, соч. Г-мъ де Жонтемъ, садовникомъ въ Брюсселѣ. Спб., 1852. Цѣна 75 к. сер., на перес. за фунтъ.
- О РАЗВЕДЕНІИ И ФАБРИКАЦИИ ТАБАКУ** въ большомъ и маломъ видѣ, практическое руководство къ выгоднѣйшему воздѣлыванію табака, сообразно климату и почвѣ, продолжительному сбереженію его во всякое время безъ порчи, и приготовленію курительнаго, нюхательнаго табаку и сигаръ, какъ изъ Американскихъ такъ и изъ своеземныхъ табаковъ, на подобіе Американскихъ, съ изображеніемъ семи фигуръ. Москва, 1852. Цѣна 1 р. 50 к. сер., за перес. за 2 фунта.
- БАСНИ Константина Масальскаго**, съ 14-ю раскрашенными картинками. Спб., 1851. Цѣна 1 р. сер., на перес. за фунтъ.
- МИССЪ МЕРИ**, или **ГУВЕРНАНТКА**, романъ Евгенія Сю. Два тома. Спб., 1852. Цѣна 1 р. сер. на пересылку за фунтъ.
- РУССКІЙ СОЛДАТЪ**, рассказы въ стихахъ А. Леонасева. Часть первая, изданіе второе. Кіевъ, 1851. Цѣна 1 руб. серебр., на пересылку за фунтъ.

НЕПОСТИЖИМАЯ.

Соч. Владиміра Филемонова. Пять томовъ.

Оглавленіе перваго тома: 1) Письма; 2) Кто этотъ господинъ? 3) Дружба, неразгаданное впечатлѣніе; 4) Свиданіе друзей; 5) Золотое время; 6) Невольное отчужденіе; 7) Тетка; 8) Балъ; 9) Грусть; 10) Любовь; 11) Борьба; 12) Приглашеніе; 13) День; 14) Затруднительное свиданіе; 15) Отдаленіе; 16) Театръ; 17) Обѣдъ; 18) Чтевіе. — Второго тома: 1) Вечеръ; 2) Планъ путешествія; 3) Отъѣздъ; 4) Парголово; 5) Печальность; 6) Путешествіе; 7) Година; 8) Общественная недѣля; 9) Возвращеніе; 10) Большой и врачъ; 11) Посредничество врача; 12) Врачъ и другъ; 13) Дача; 14) Коласка; 15) Удѣленіе; 16) Нецѣланный разговоръ; 17) Выздоровленіе; 18) Возвращеніе въ С. Петербургъ; 19) Записка; 20) Свиданіе. — Третьяго тома: 1) Драма; 2) Завтра; 3) Тайна; 4) Продолженіе драмы; 5) Дача; 6) Ночь; 7) Утро; 8) Мужъ и служанка; 9) Правильный день; 10) Переговоръ съ женою; 11) Переговоръ съ мужемъ; 12) Переговоръ мужа съ женою; 13) Переписка; 14) Болзнь; 15) Торжество дружбы; 16) Море; 17) Приготовленіе къ отъѣзду; 18) Свиданіе; 19) Балъ; 20) С. Петербургская недѣля; 21) Гостиня; 22) Невскій Проспектъ; 23) Письмо; 24) Большой Театръ. — Четвертаго тома: 1) Разлука; 2) Новгородъ-Браславль; 3) Дрезденъ; 4) Тарантъ; 5) Барейтъ-Тревизо; 6) Венеція; 7) Ланано; 8) Римъ; 9) Три жизни въ Римѣ; 10) Неаполь; 11) Письма; 12) Желанное знакомство; 13) Портгичи; 14) Везувій; 15) Извѣстіе; 16) Неаполитанское приволье. — Пятаго тома: 1) Сосѣдство; 2) Разговоръ; 3) Деревня; 4) Прогулка; 5) Письмо; 6) Ответъ; 7) Геркуланъ и Помпея; 8) Еще письмо; 9) Два письма; 10) Сонъ; 11) Библиотека; 12) Ходатайство отчаянія; 13) Записка; 14) Другая записка; 15) Ожиданіе; 16) Гости; 17) Письмо; 18) Кабинетъ; 19) Послѣдняя бесѣда; 20) Странный день; 21) Еще день; 22) Сиротство; 23) Манердонскій Залъ; 24) Корабль; 25) Дача близъ Ораніенбаума; 26) Швейцарецъ; 27) Альмино; 28) Москва; 29) Германово; 30) Кавказъ; 31) ...

Во всѣхъ пяти томахъ стран. 1166. Спб., 1841. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р. сер.

Всѣ требованія иногородныхъ исполняются немедленно съ первою отходящею почтой.

ТЕЛЕГРАФЪ.

ВТОРНИКЪ, 6-го Мая.

- Отъ 11-ти до часу. — Общее обозрѣніе Императорской Публичной Библиотеки.
- Отъ 12-ти до 4-хъ час. — Выставка вещей, назначенныхъ въ лоттерей въ пользу Дѣтскаго Приюта Е. И. В. Приица Ольденбургскаго, на углу Прачешнаго и Глухаго Переулковъ, въ домѣ Приюта.
- Отъ 8-ми до 10-ти утра и отъ 2-хъ до 4-хъ час. — Гимнастическое заведеніе де-Рона, для мужчинъ, и отъ 11-ти до полудня втораго, для дамъ, въ домѣ Коммерческаго Общества (на Английской Набережной).
- 7 час. — На Александринскомъ Т.: Русская свадьба, въ исходе XVI вѣка, драматическое представленіе: Еще комедія съ ядешкой, или Воденья съ пламничками.
- 7 час. — На Михайловскомъ Т.: Claude, drame (Mme Arnould-Plessy); Suppliee de Tantale, comédie-vaudeville.
- 8 час. — Въ Театрѣ-Циркѣ: Большое представленіе, повтореніе бенефиса Г-жи Анжелъ Мальваръ.

Царскосельская Жельная Дорога.

Изъ С. Петербурга въ Царск. Село: въ 7^{1/2}, 10, 1, 3^{1/2}, 6 и 9 час.
Изъ Царск. Села въ С. Петербургъ: въ 8^{1/2}, 11, 2, 4^{1/2}, 7 и 10 час.
Изъ Павловска въ Царское Село: въ 8 ч. 10 м., 10 ч. 40 м., 1 ч. 40 м., 4 ч. 10 м., 6 ч. 40 м. и 9 ч. 40 м. Изъ Царскаго Села въ Павловскъ, паровозы отходятъ немедленно по пріѣздѣ изъ С. Петербурга.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ СЪВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ,

въ С. Петербургѣ, по Мойкѣ, подлѣ Почтамтскаго Мостика, въ домѣ подлѣ № 83-мъ, продаются книги:
РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ И ОПИСАНІЯ ЛЮБОпытныхъ ПРЕДМЕТОВЪ, съ картинками, составилъ И. И. Мартыновъ. Отдѣленія первое, второе и третье. Спб., 1851 г. Цѣна каждому отдѣленію 15 к. сер. въсов. за фунтъ.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ВЪ РОССИИ, Гр. Небольсина, удостоенное Русскимъ Географическимъ Обществомъ полной Жуковской преміи, двѣ части. Спб., 1850 г. Цѣна 3 р. сер. въсов. за три фунта.

КОММЕРЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА ИНОСТРАННЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ, съ обозрѣніемъ главныхъ портовыхъ и столичныхъ городовъ и всѣхъ примѣчательныхъ въ торговомъ отношеніи приморскихъ мѣстъ Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Девять частей. Цѣна 6 р. сер., съ перес. 7 р. 50 к. сер.

наго Дома, слишком цеторонилась: онъ сохранилъ это место.

— Въ слухахъ, распространившихся въ Парижѣ о назначеніи новыхъ сенаторовъ, называли и Г. Ламартина. По сему случаю онъ напечаталъ въ *Siecle* слѣдующее письмо: «По извѣстіямъ въ *Independance Belge*, вы поместили мое имя въ члѣдъ лицъ, предназначенныхъ въ званіе сенаторовъ новаго Правительства. Для открытія истины позвольте опровергнуть этотъ слухъ, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть ни какого основанія.»

— Во вчерашнемъ представленіи оперы Моисей было большое число официальной публики. Много говорили объ имперіи и о Графѣ Шамборѣ. Одинъ изъ известныхъ легитимистовъ изложилъ слѣдующимъ образомъ положеніе, которое приметъ Фродорскій Дворъ: «Тамъ еще не согласились, нужно ли Принцу протестовать противъ имперіи. Одни думаютъ, что этотъ протестъ, оскорбивъ чувства національной гордости, будетъ безплоденъ, и слѣдственно неприличенъ. Другіе полагаютъ, напротивъ того, что при этомъ важномъ случаѣ должно развить легитимистское знамя, хотя бы только для того, чтобы одушевить колеблющихся легитимистовъ. Графъ Шамборъ еще не рѣшился ни на которое изъ этихъ двухъ мнѣній. Говорили, что онъ намеренъ сдѣлать воззваніе къ самой Франціи, и доказать ей, что воля націи была увлечена безъ внутренняго убѣжденія. Но эта мысль вскорѣ была оставлена: ограничались только напоминаніемъ приверженцамъ законной монархіи, что они должны оставаться совершенно безпристрастными, и ожидать будущаго. Что же касается до поданія голо-совъ въ пользу имперіи, Принцъ предоставляетъ друзьямъ своимъ полную свободу, будучи убѣжденъ, что имперія составляетъ только переходный періодъ къ восстановленію старшей линіи Бурбоновъ. О слияніи не говорятъ ни слова, и это очень ясно при нынѣшнемъ устраниніи и молчаніи Принцевъ Орлеанскаго Дома.»

АНГЛИЯ.

Лондонъ, 6-го Ноября. Главнокомандующій разослалъ третьяго дня приказъ, по повелѣнію Королевы, прислать на погребеніе Герцога Веллингтона съ каждаго полка одного штабъ-офицера, одного капитана, одного поручика, одного сержанта, одного капрала и шесть рядовыхъ. Приказъ этотъ теперь замѣненъ: вмѣстѣ шести рядовыхъ должно прислать съ каждаго кавалерійскаго полка по одному эскадрону, а съ пѣхотнаго по одной ротѣ. Изъ 33-го полка (любимый полкъ Герцога) будутъ присланы, кромѣ хора музыкантовъ, 540 человекъ рядовыхъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ *Freiſſſche Zeitung* сообщаютъ, что члены Висскихъ таможенныхъ конференцій собираются ежедневно, но, судя по теперешнему положенію переговоровъ, эти конференціи не будутъ еще имѣть результата въ теченіе нынѣшняго года.

Брюссель, 6-го Ноября. Въ прошедшее Воскресенье прибылъ въ Остенде галіотъ Россійскаго Императорскаго Яхтъ-Клуба «Буря» съ острова Вейта.

— 9-го Ноября. Въ нынѣшнемъ засѣданіи Палаты Депутатовъ Министръ Юстиціи представилъ проектъ закона, по которому оскорбленія, нанесенныя главамъ иностранныхъ правительствъ, наказываемы будутъ, смотря по мѣрѣ вины, арестомъ и денежною пеней.

— Въ *Пиемонтской Газетѣ* 5-го Ноября обнародованы наконецъ королевскія повелѣнія о новомъ Кабинетѣ. Оный действительно составленъ точно такъ, какъ уже было сообщено, только Г. Чибраіо иерешель изъ Министерства Финансовъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Слѣдственно вышли изъ Министерства только двое: Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Президентъ Совѣта Г. Азеліо и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Г. Пернатъ.

— По извѣстіямъ изъ Стокгольма отъ 29-го Октября, полученнымъ въ Копенгагенѣ, здоровье Короля Оскара видимо поправляется.

— Въ *Мадридской Газетѣ* 31-го Октября извѣщаютъ, что 29-го числа Герцогиня Монпансерская благополучно разрѣшилась отъ бремени Инфантиною.

Римъ, 25-го Октября. Главнокомандующій Фран-

цузскимъ корпусомъ принялъ мѣры (уже въ третій разъ) для отобранія оружія у жителей Рима и окрестностей; ежедневно усиливающіеся грабежи и разбои, къ сожалѣнію, доказываютъ, что злодѣи умѣли скрыть еще большое количество оружія.

Константинополь, 30-го Октября. Народная подписка оказалась слишкомъ достаточною для покрытія издержекъ, произведенныхъ отказомъ въ займъ.

— На пароходѣ «Скамандръ» привезено въ Марсель извѣстіе, что въ ночь съ 26-го на 27-е Октября свирѣпствовала на берегахъ Греціи ужаснѣйшая буря. Нѣсколько купеческихъ кораблей и Грецескій военный бригъ погибли въ самой Пирейской гавани. Король Оттонъ еще не прѣбылъ. Боялся, что ураганъ застанетъ его у мыса Матазана, и Корлева была въ величайшемъ страхѣ. Теперь получено извѣстіе изъ Венеціи, что Король успѣлъ укрыться на Далматскихъ берегахъ, въ небольшой гавани Польша. Боялся также за лагерь «Сантисель», на которомъ находился Французскій Адмиралъ Дюфоссе, не приходившій еще въ Пирей 27-го числа вѣчеру. Что же касается до почтового парохода «Перикль», газеты, объявившія о гибели его на берегу Пирея, получили невѣрное извѣстіе: онъ спасся безъ большихъ поврежденій.

— Въ Англіи получено извѣстіе, что Статъ-Секретарь Иностранныхъ Дѣлъ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Г. Вебстеръ, отказавшійся на дняхъ отъ кандидатуры на званіе президента, скончался 24-го Октября отъ болѣзни въ печени. Ему было отъ роду семьдесятъ лѣтъ.

— Въ письмахъ изъ Америки сообщаютъ разныя извѣстія объ Островѣ Кубѣ. Многіе мятежники тамъ казнены. Сверхъ того взяты два зятя Лопеса: одинъ изъ нихъ Марквизъ Пососъ-Дульосъ. Эти люди, какъ говорятъ, волновали народъ, и были захвачены властями въ ту самую минуту, какъ фрегатъ ихъ Корнелія бросилъ якорь у береговъ острова. Говорятъ о взытіи многихъ лицъ подъ стражу, о задержаніи секретныхъ бумагъ, оружія и вѣрныхъ доказательствъ существованія обширнаго заговора.

ГЕ-Ю-КО.

Исторія его счастья. (Разсказъ второй.) *

Брошенное дитя. — Маленькіе орлята. — Змѣя амуръ. — Во-время свиснулъ.

I.

Не жди бѣды и счастья отъ большой причины, жди ихъ отъ маленькой, говорилъ Ге-ю-ко. Не бойся, что Кеюфезскія скалы **, подмытыя Афинскимъ, упадутъ тебѣ на голову; бойся оступиться на нихъ; старые охотники знаютъ, что тигра выследить можно, а дикую кошку часто видишь тогда, какъ она ужъ выдѣлится въ кабардинку. Пожалѣя, кунаки, довольно; не разъ бывалъ сътъ разсказомъ о вѣрашнемъ чурекѣ, и какъ дикій звѣрь прятался въ трещинахъ вашихъ скалъ, а была пора и мнѣ кланяться въ прокъ княжескіе нукары, и мое стремя поддерживала красавица. Много видѣлъ я радостей, много хлебнулъ слезъ, а шель и прощель ихъ не прыжокъ: не стрѣляя по чужому кабану, не пляской погнвана ***, ни поклономъ въ кольцо....

Брось, кунаки, по чаури (мелкая монета) въ рваную шапку Ге-ю-ко, добавивъ разскачикъ свой обычный прищвъ, принялъ неизбежный въ его устахъ предъ началомъ разсказа.

Угрюмыя лица Шаусуговъ, освѣщенные цылающимъ очагомъ саклы, мелькнула улыбкой, наздники переглянулись, и пять монетъ упали въ кабардинку стараго окаязочника. Онъ подобралъ деньги, медленно пересчиталъ ихъ, и началъ:

«За сорокъ лѣтъ предъ сямъ, темною ночью въ ущельяхъ Діаа Лихой Башхенкаль пробирался на праздникъ Тлеуса **** въ соседній аулъ. Привычный

* См. № 101-й Сѣв. Пчелы, 1852 года.

** Въ землѣ Шаусуговъ, перетахъ въ сорока отъ Черноморскаго береговаго укрѣпленія Геленджикъ.

*** Публичные плясуны и шуткейстеры; цѣлая группа этихъ артистовъ была весьма недавно въ Нухъ.

**** Тлеусъ — Богъ огня.

конь его во тмѣ и мракѣ перепрыгнулъ уже не одну трещину; но вотъ онъ дрогнулъ, метнулся вправо, влево, подиалъ уши и сталъ какъ вкопанный. Шумъ потока, крутящагося подъ обрывомъ, остановилъ коня. — «Хоть бы луна освѣтила! проворчалъ наздивкъ, а то того и смотри, что шайтанъ подставитъ ногу: полетишь въ Джехенемъ, пропадешь какъ подстрѣленный шакаль.» Горецъ осмотрѣлся кругомъ, стараясь вглядѣться въ окрестность, и повѣрить опасную тропинку, на которой стоялъ; но ни одного знакомаго предмета не могъ отличать его зоркій взглядъ: темная ночь съ сыррымъ туманомъ скрыла даже и окружающія скалы. Грустная тишина пустыни нарушалась шелестомъ самшитнаго кустарника, да всплескомъ потока, въ который, по временамъ, падали съ кручи глыбы крмня и сивгу. Быть въ сѣдлѣ на поуганномъ конѣ, быть можетъ на шагъ отъ пропасти, и не знать куда повести узелочкой — минута, въ которую даже задумается и бѣшеный абрекъ, не только мирный жилецъ подгорнаго аула, отправившійся на праздникъ. Башхенкаль уже готовъ былъ сползти съ сѣдла, и кубаремъ спуститься по обрыву, какъ яркій свѣтъ пламени, вспыхнувъ на противоположныхъ скалахъ, длинною и густою полосой разлился по гребню этихъ скалъ. — Ага! весело промелькнулъ путникъ: въ аулъ уже Тлеусъ далъ огня, и отъ пирушки я очень недалеко, продолжалъ онъ, разглядывая окружающіе его предметы, только тма и мракъ завели меня не туда, куда бы мнѣ надо. Направо обрывъ, передъ носомъ потокъ, а прахъ его вѣдаетъ, не проглотитъ ли онъ, когда сплещемъ надъ нимъ дезгику! Въ эту минуту крушій говоръ двухъ путниковъ, показавшихся въ балкѣ подъ обрывомъ, остановилъ на себя вниманіе горца. Впереди шла женщина, у которой за плечами былъ ребенокъ; за нею слѣдовалъ старшій Абадзехъ, босою, вооруженный винтовкой.

— Молчи, Фатъма, не серди меня, и иди своею дорогой! говорилъ Абадзехъ.

«Не серди его! звонко отозвалась женщина; смотри, какой старшина! Говорятъ тебѣ, возьми своего ребенка; два дня онъ за мои плечами, не могу больше нести, устала.»

— Донесешь; аулъ недалеко.

«Не буду нести, брошу; клинусь Тлеусомъ, брошу!»

— Врешь, твоя кровь, твой дѣтенышъ, пожалѣешь!

«Возьми, Дуль-Иль, рѣшительно повторила женщина: право, брошу его тебѣ подъ ноги, и посмотрю тогда, какъ-то ты перепахнешь чрезъ своего сына...»

— Шагаль чрезъ пропасти, перепахну и чрезъ ребенка.

«А! если такъ... на же тебѣ!» Съ этими словами горанка бросила на траву ребенка, и быстро пошла впередъ. Громкій смѣхъ Абадзеха былъ отвѣтомъ на рѣшительное дѣйствіе жены; онъ даже не удостоилъ взглядомъ плачущаго малютку, и прошелъ мимо его.

— Слышишь, Фатъма, слышишь, плачь! кричалъ горецъ. Ага! оглинулась: вѣрно твоимъ молокоомъ вскормленъ?

Женщина въ нерѣшительности остановилась на нѣсколько минутъ, въ то время какъ бѣдный ребенокъ рыдая протягивалъ къ ней свои ручки.

— Возьми, возьми! повторялъ Дуль-Иль: вѣдь съдѣлать его шакалы.

«Не возьму!» въ какомъ-то изступленіи отозвалась Фатъма. «Въ немъ и твоя, и моя кровь: какъ не жалѣ тебѣ, такъ не жалѣ и мнѣ!»

Но жестокий Дуль Иль былъ уже далеко. Женщина оглинулась нѣсколько разъ на плачъ малютки, и скрылась въ ущелье.

— А! да волчица! проворчалъ Башхенкаль, единственный свидѣтель минувшей сцены. Бросила ребенка, какъ негодную тесемку! Чего же я думаю? продолжалъ горецъ: подберу находку, вскормлю ребенка, а тамъ и въ Батумъ продать можно. Потерпѣмъ, а то въ самомъ дѣлѣ достанется онъ шакаламъ, или опять той же матери, что все равно!

Горецъ утвердился въ седлѣ, отдалъ поводья; затѣмъ свиснула плеть, плеснула въ воздухъ широкая бурка Башкенкала, и конь и всадникъ полетѣли въ потокъ...

Между тѣмъ малютка перестала плакать, подползъ къ оврагу, и съ веселымъ смѣхомъ занялся оухимъ валежникомъ. Когда подѣхалъ къ нему Башкенкаль, брошенное дитя уже сладко спало. Горецъ бережно завернулъ свою находку въ мокрую бурку, и повернулъ коня къ родному аулу.

«На, Шехеми, вотъ тебѣ праздничная добыча, сказалъ Башкенкаль, входя въ свою саклю, и отдавая женѣ ребенка. Мать и отецъ повздорили изъ пугливости, бросили сына ни за что, а я его поднялъ.» Добрая Шехеми съ радостью приняла подарокъ мужа. Малютка проснулся, открылъ глазенки, и тою же веселою улыбкою встрѣтилъ чужой поцалуй, какъ встрѣчалъ его на устахъ матери.

Этотъ ребенокъ былъ я, джигиты... вашъ старшій Гіе-ю-ко.

— Ну, дальше, дальше, Тергеми! Корми насъ грязью! крикнули заинтересованные Шапсуги.

Разокащикъ плутовски улыбнулся, и, подставивъ слушателямъ свою шапку, снова и нараспѣвъ повторилъ свою обычную фразу: бросьте, джигиты, въ рваную кабардинку Гіе-ю-ко по одному чаури!

Чаури были брошены; шапка падла; разокащикъ продолжалъ.

II.

«Рябичества моего, кунаки, я почти не помню. Знаю, что мы жили въ Сухумѣ, рядомъ съ парадною саклею Князя Келишь-Бей*, у котораго названный отецъ мой, Башкенкаль, былъ старшимъ узденемъ и аталыкомъ** его старшаго сына, Аслана. Наконецъ мнѣ минуло десять лѣтъ, Аслану столько же. Въ это время настала пора нашей науки въ дѣлѣ молодечества, пора долгаго скитальчества и странствованій. Разумается, все это обшчалось Аслану, а не мнѣ; на долгие по-

* Замѣчательный владѣлецъ Абазин, единственный изъ горскихъ князей, который заботился о просвѣщеніи и смягченіи дикаго права своихъ подданныхъ, и, отличаясь умомъ и образованіемъ, первый постигъ всю важность покороности Россіи. Онъ получилъ драгоценные подарки отъ Императора Павла I. Келишь-Бей убить своимъ сыномъ Асланомъ, осенью 1808 года.

** Аталыкъ — воспитатель. У горскихъ князей есть обыкновеніе отдавать своихъ малолѣтнихъ дѣтей на воспитаніе лучшимъ и испытаннымъ слугамъ и узденямъ.

сеченію Башкенкала я не имѣлъ ни какого права. Онъ выкормилъ своего пріемыша, сдержавъ свое слово, и желалъ сдержать другое, т. е. продать меня. Случай скоро представился: въ ту же весну, за день до праздника Мизитхи (богъ льсоозъ), въ Сухумъ пришли изъ Батума два купеческія кочермы. Онѣ привезли порошу, запасъ оружія, шелковыхъ тканей и табаку, съ непремѣнною цѣлью промѣнять все это на нашихъ красавицъ и мальчишковъ. Башкенкаль свелъ меня напоказъ, выбралъ за меня нару княжоловъ, двѣ науши табаку, да двадцать патроновъ порошу, и назавтра долженъ былъ кончить мѣну съ купцами. Я задумался; мнѣ стало грустно, мнѣ захотѣлось даже поплакать; но купечекъ Абхазскаго меда да ласка Шехеми скоро меня успокоили.

Въ день Мизитхи, князь съ своими лучшими нукерами отправился на соколиную охоту. Весь аулъ выбѣжалъ поглядѣть на княжескій поездъ; къ тому же въ этотъ день Келишь-Бей вызвалъ испробовать молодого сокола, только что присланнаго ему изъ Аваріи. И что за соколъ былъ у князя! огромный, красивый, связанный серебряною цѣпкою, ояъ, какъ любимый нукеръ своего князя, важно поворачивалъ головкой, украшенной бархатною шапочкой, шитой золотою ниткою съ жемчужомъ. Онъ нетерпѣливо подпрыгивалъ на княжеской рукѣ, рзко и пронзительно отвѣчая на свистъ другихъ соколовъ. Охотники мелко рысью пустились въ ущелье. Безпечно подпрыгивая и подбрасывая придорожные кремни, я пошелъ слѣдомъ за ними, взобрался на скалы, взглянулъ направо, налево, кругомъ, наверхъ — ни слѣда, ни тропинки. Дай, подумалъ я, проложу дорогу, и храбро началъ взбираться на скалы. Камни и земля дождемъ сыпались изъ-подъ ногъ моихъ; я прыгалъ чрезъ пропасти, пробирался ползкомъ, обрывался, и снова цепляясь окровавленными руками, шель впередъ, впередъ на славную добычу, разорить гнѣздо карагутовъ. Въ трещина камня, который совершенно повисъ надъ бездною, я завидѣлъ гнѣздо орла. Ободренный отсутствіемъ орлицы, я осторожно вытаскивалъ изъ гнѣзда двухъ маленькихъ карагутовъ, и, не помня себя отъ радости, почти кубаремъ скатился внизъ, перебежалъ балку, и бросился въ рошу. Здѣсь, перевязавъ моихъ плыничковъ, я принялся мучить ихъ, забывая, что орлица легко могла услышать визгъ своихъ итенцовъ.... Такъ и случалось. Не прошло и пяти минутъ, какъ, съ оглушительнымъ свистомъ и шумомъ, мелькнули

надъ моею головою два громадныхъ крыла страшной птицы. Распустивъ когти и вытянувъ голову, орелъ готовъ былъ рвануть и отдалить меня отъ земли. Я обомлѣлъ отъ ужаса, но въ это мгновеніе другой рзкій и прерывистый свистъ раздался надъ орломъ, послышался сильный ударъ крыла, другой ударъ клюва — и мелкія перья орлицы дождемъ посыпались на землю. Тяжелое тѣло съ ушало къ моимъ ногамъ... Меня спасъ щеголь, княжескій соколъ, который уже въ эту минуту ключьями свалъ мясо карагута. Двумя ударами первой попавшейся палки я добилъ моего врага. Между тѣмъ въ рошу не было слышно ни одного звука, ни одного голоса. Я сообразилъ, что вѣроятно охота давно кончена, и что вѣрно молодой соколъ, еще мало обученный, воспользовался своею свободою и бѣжалъ отъ своего господана. Дѣйствительно, въ то время, какъ серебряная дьячка съ дорогимъ планникомъ была въ моихъ рукахъ, нукеры уже возвращались къ князю съ вѣстью о неудачной погонѣ за бѣглономъ. Почти ночью, съ убитыми орломъ и соколомъ, я воротился въ аулъ, и постучался въ саклю Келишь-Бей.

«Кто тамъ?» откликнулся князь, коротавшій вечеръ съ однимъ изъ своихъ любимцевъ.

— Я.

«Да кто ты?»

— Маленкій Тергеми... Принесъ тебѣ, князь, сокола.

«Сокола! вскричалъ князь, распахнувъ двери... Ба! и орелъ? Гдѣ ты ихъ взял, малютка?»

Бросивъ свою тяжелую пошу, я рассказалъ князю все какъ случилось, не утаивъ ничего.

— Хорошо, товарищъ, спасибо, ты бойкій и смѣлый мальчишъ, сказалъ Келишь-Бей. А чей ты спросилъ онъ.

«Это пріемышъ Башкенкала, котораго онъ завтра продаетъ въ Батумъ,» отвѣчалъ собеседникъ князя.

— Въ Батумъ? Продать такого молодца? Нѣтъ, этого я не позволю! Скажи, Папай, Башкенкалу, чтобъ онъ выкормилъ мнѣ изъ него джигита — это будетъ мой лучший наездникъ. Скажи, чтобъ завтра онъ увезъ его въ горы съ моимъ Асланомъ... Вотъ какъ, кунаки, дражные карагуты переменили мою судьбу!

(Окончаніе впереди.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ П. А. РАТЬКОВА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Морской, въ домѣ Бейльштейна, и въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Матлевой,

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ НА 1853 ГОДЪ:

Table with columns for journal titles, prices in rubles and kopecks, and subscription details. Includes titles like 'Библиотека для Чтенія', 'Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества', etc.

ТЕЛЕГРАФЪ.

ЧЕТВЕРТОКЪ, 6-го Ноября.

Отъ 8-ми до 10-ти час. утра и отъ 2 1/2 до 4 1/2 час. пополуночи. Гимнастическое заведеніе Г. де-Роша, для мужчинъ, и отъ 11-ти до 2-хъ час., для дамъ, въ домѣ Кошмерч. Общества (на Англійской Набережной).

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ СЪВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ, въ С. Петербургѣ, по Мойкѣ, подлѣ Почтамтскаго Мостика, въ домѣ подлѣ № 83-мъ, продается:

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПОРЯДКА СУДОПРОИЗВОДСТВА ВЪ ВЕЛИКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ ФИЛІАНДІИ, составленное Бирьеромъ Лундалемъ. Перев. Императорскаго Финляндскаго Сената Юристомъ и Камералистомъ Гельсингфорстъ, 1852. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р. сер.

РУКОВОДСТВО КЪ СОДЕРЖАНІЮ КОМНАТНЫХЪ РАСТЕНІЙ ВЪ ЗДОРОВОМЪ И ЦВѢТУЩЕМЪ СОСТОЯНІИ, съ полнымъ объясненіемъ способа ухода за каждымъ цвѣткомъ, съ показаніемъ всего необходимаго для успѣшнаго роста его, съ поясненіемъ причинъ гибели и средствъ къ предохраненію свѣжихъ и улучшенію поврежденныхъ растеній. Составилъ Эдуардъ Бераръ. Спб., 1852. Цѣна 30 к. сер., всѣ за фунтъ.

Контора Редакціи Сѣверной Пчелы высматриваетъ и въ другія Русскія книги, гдѣ и къмъ бы то ни было опубликованныя, немедленно съ первою отходящею почтой

заклю-
шой Па-
значать
Жеромъ
будетъ
облемъ.
изъ Бер-
атые отъ
зультата
Ноября
рнжъ въ
условію
шей на
бавлена.
жкована
оберется
рманскія
дять пе-
гношенію
цаго со-
шления:
овляется
Дворца
въ без-
оты едва
кой но-
связанъ.
о со-
анія Пр-
герскихъ
Правда,
нима за-
и пусть
нъ-Гал-
телиныя
а Короля
ельствъ.
титула
тельство
es Débats.
магаемое
(J. des
de l'Em-
огда ему
звѣстно,
рудненію
и Армана
Мшелею
слухи.
нныя (да
еводаютъ
большомъ
дачи ихъ
и Ниж-
телиныя
не члены
прерывно
лихора-
господ-
ность въ
тамента.
островъ
знаютъ
боль-
гараются
анъ, по-
овъ мо-
хъ двѣ-
и милѣхъ
двадцати
на лодка
ти мимо
дери.
бря на-
гоприятъ-
та, какъ
сословію
потомъ
ство въ

немъ осталось. Говорили, что праличье было бы предоставить провозглашенію имперіи Сенату, и казаться принимающимъ имперію, а не предлагающимъ ее. Находили неуместными воспоминанія о 1815 году, о событіяхъ той эпохи, объ отомщеніи за нее, хотя бы то было миролюбивыми средствами. Это опасеніе торговаго сословія въ отношеніи къ существующимъ трактатамъ, къ принципамъ, произведшимъ ихъ и къ ихъ послѣдствіямъ, болѣе всего доказываетъ, сколько это сословіе желаетъ сохраненія мира. Впечатлѣнія, произведенныя въ умахъ его этими фразами посланія, недостаточно смягчены дальнѣйшими оговорками и увѣреніями въ соблюденіи мира. И та часть публики, которая благопріятствуетъ Президенту, осуждаетъ это посланіе, и находитъ, что оно кажется повтореніемъ ошибокъ Бордоской рѣчи, не имѣя ея откровенности. Пунктъ, въ которомъ упоминается объ уложеніи 1852 года, и о произведеніи въ немъ измѣненій, не касаясь главныхъ основаній, истолкованъ въ пользу сохраненія подачи голосовъ всѣмъ міромъ, какъ необходимости при измѣненіи республики въ имперію. Каковъ бы ни былъ истинный смыслъ этого пункта, достоверно только то, что впечатлѣніе, имъ произведенное, было неблагопріятно. Во все утро 5-го Ноября ходили по рукамъ, въ Парижъ, экземпляры этого посланія. Мѣстами видно было, что читаютъ его и на улицахъ, но не дѣлая ни малѣйшаго замѣчанія, и не обнаруживая ни какого участія. Правда, что участіе это могло уже быть ослаблено, потому что все предвидѣли возстановленіе Имперіи. Многочисленные экземпляры посланія были не только прибиты на перекресткахъ, но и разсланы во все общины Франціи.

— Слухи о коммерческомъ трактатѣ Англіи съ Франціею, который былъ уже близокъ къ заключенію въ ту минуту, какъ Кабинетъ виговъ вышелъ въ отставку, опять возобновились.

— 9 го Ноября. Королева отправится завтра въ Буккингемскій Дворецъ, гдѣ будетъ происходить заведеніе Тайнаго Совѣта, въ которомъ утверждена будетъ тронная рѣчь. Королева откроетъ Парламентъ на другой день.

АВСТРІЯ.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, съ Августѣйшею Своею Супругою, благополучно изволилъ прибыть въ Венецію 7-го Ноября, послѣ полудня. Въ Вѣннѣ ожидаютъ Ихъ Высочества къ 10-му числу.

— Пишутъ, что Австрійская таможенная стража будетъ преобразована на военную ногу, и составятъ родъ таможенной жандармеріи.

— 2-го Ноября, Фельдмаршалъ Графъ Радецкій праздновалъ 87-й день своего рожденія.

— Изъ Вѣны пишутъ, что Австрійское Правительство не отправляетъ депутаціи на погребеніе Герцога Веллингтона въ слѣдствіе оскорбленій, нанесенныхъ въ Лондонѣ Фельдмаршалу Барону Гайнау.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Во Флорентинской газетѣ l'Opinione пишутъ, что Сиръ Генрихъ Бульверъ давалъ, 2-го Ноября, обѣдъ депутатамъ, прибывшимъ для испрошенія помилованія супругамъ Маданъ, и ухватившимъ уже изъ Флоренціи, послѣ подачи просьбы Великому Герцогу, который впрочемъ ихъ не принялъ. Г. Гаспарель дѣйствительно прибылъ въ Туринъ. Двадцать семь членовъ клуба Амадаремы вновь разстрѣляны въ Анковѣ.

— Въ газетахъ писали о прибытіи въ Марсель изъ Египта Абдалахъ-Бей, посланника тамошняго Наместника. Говорили, что онъ долженъ объявить Парижскому и Лондонскому Кабинетамъ, что Аббасъ-Шаха не въ состояніи выдать, по востребованію Порты, семи съ половиною милліоновъ франковъ годичной подати впередъ, въ каковой суммѣ Султанъ имѣетъ теперь надобность по случаю нератификаціи имъ займа. Этотъ слухъ былъ неосновательный: по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Александріи, Абдалахъ-Бей прибылъ въ Европу для принятія мѣръ въ Парижѣ и Лондонѣ, чтобы выслать Портѣ означенные семь съ половиною милліоновъ франковъ за 1853 годъ.

— Между Нидерландами и Гамбургомъ заклю-

чена на двѣхъ конвенціи для взаимной выдачи бѣглыхъ преступниковъ, въ числѣ которыхъ наименованы и банкроты.

— Въ Севильской газетѣ напечатано, что новорожденная Инфантана, дочь Герцогини Монпансьерской, получила слѣдующія имена: Марія, Христинна, Франциска-Паула, Антонія, Луиза, Фернанда, Амалія, Фелиппа, Изабелла, Аделаида, Тереза, Жозефа, Жоакина, Жюста, Руфіня, Лутгарда, Елена, Каролина, Бябiana, Полонія, Гаспара, Мельчоса, Балтазара, Анна, Анда, Луція и Нарциса.

— Если вѣрить письмамъ, полученнымъ съ Востока, Турецкій Даванъ не охотно принимаетъ на себя поселеніе Абдель-Кадера въ Брюссель или въ всякомъ другомъ мѣстѣ Оттоманской Имперіи, и отказывается отъ всякой ответственности въ надзоръ за симъ плѣнникомъ.

— Султанъ подписалъ повелѣніе, которымъ освобождается отъ всякаго наказанія тысяча четыреста семействъ Босняковъ, удалившихся въ Австрію безъ позволенія Правительства. Они теперь могутъ возвратиться въ свои дома безвозвратно.

ГЕ-Ю-КО.

(Окончаніе.)

III.

Настала часъ нашего отъѣзда. Поздно вечеромъ Башкенкаль вызвалъ меня и Аслана изъ сакли, молча вооружилъ насъ, указавъ на коней, и примолвивъ: «въ дорогу, дѣти, надолго!» — крупною рысью выскочилъ съ нами изъ аула. Съ этой ночи, какъ водится, началось наше настоящее воспитаніе. Семь лѣтъ мы скитались въ горахъ, часто проводя бурныя и печальныя ночи въ тучубахъ и на зарканихъ пропастяхъ, а днемъ гоняясь за кабанями, или арканами стѣнныхъ коней. Когда надалъ подыкъ кабылду изъ насъ измученный товарищъ похода, я или Асланъ должны были въ первомъ встречномъ аулѣ украсть коня, но украсть такъ хитро и ловко, какъ крадутъ ихъ честные джигиты... Иногда мы спускались съ Черныхъ Горъ и пробирались въ Кабарду, для того чтобы подражать съ хищниками; иногда, для шутки и молодечества, грабили Еврейскіе караваны, имѣя обыкновеніе не пропускать въ аулахъ ни одного праздника, на которыхъ, своимъ первенствомъ въ стрѣльбѣ и бросаніи палокъ, получали почетъ наздниковъ и ласку атака. Наконецъ воспитаніе наше кончилось...

Ясный лѣтній день разсвѣталъ надъ Сухумомъ, когда мы, переправясь въ бродъ чрезъ Гумисту*, поднялись на предгорья. Еще сыррой туманъ, навѣянный съ моря, легкими полосами стлался надъ мѣстомъ нашего свиданія съ близкими, но зоркій глазъ нашъ умѣлъ высматривать бѣлые мазанки Сухума. Не выдержало сердце окитальцевъ и, не смотря на утомленіе коней, ногайки зиснули, и только кремь да искра обозначали слѣдъ нашъ. Съ гикомъ и крикомъ радости, мы вскакали въ аулъ въ то время, какъ навстрѣчу намъ высиныло все его населеніе. Первымъ встречнымъ былъ князь. Онъ обнялъ Башкенкала, обнялъ насъ, и приказавъ одѣть молодцевъ въ щегольскія черкески, назначилъ къ вечеру джигитовку, на которой мы должны были показать свою удалу.

Не зномно днѣ счастливѣе этого. Всѣ нами любовались, всѣ намъ завидовали! Наздники съ досадою посматривали на нашихъ коней, на наше вооруженіе и ловкую посадку; дѣвушки, предъ глазами которыхъ мы гардовали съ Асланомъ, вслухъ говорили, что мы красивы и стройны. Подали сигналъ. Началась джигитовка. На скаку въ отъѣздъ и на уходъ всѣ остались за камнѣ. Бросали палки, и никто не пережегнулъ насъ въ вѣрности удара. Разставили шесты съ шапками: семи кабардонковъ какъ не бывало; всѣ сняты нулею... Молодецкий ударъ! Славный глазъ! Смѣло разсчитанный вывѣздъ! Говорили старика. — Лихо бытъ! Шайтаны, на ударъ! Вотъ прыгнулъ! Вотъ споровка!

* Небольшая рѣка, вытекающая двумя истоками изъ горъ. Пробѣжавъ около сорока верстъ въ прямомъ направленіи, она впадаетъ въ Черное Море подъ Старымъ Сухумомъ.

повторяла молодежь. — Ахъ, Асхей-аоханы! (отецъ отцевъ моихъ) безъ калыма обняла бы его! шестали красавицы. Толпа наздниковъ, желавшихъ состязаться съ повѣчками, бросилась за нами. Я оставилъ джигитовку, и думая дать раздохнуть коню, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отереть съ него яитарную пѣну, выбрался къ рощѣ на исходъ аула. Едва я спрыгнулъ съ сѣдла, какъ громкій крикъ испуга въ толпѣ женщинъ, оставшихся у охитана, привлекъ мое вниманіе. Точно испуганное стадо дикихъ козъ онѣ бросились въ разныя стороны, и исчезли въ ту же минуту, оставивъ на мѣстѣ одну изъ подругъ своихъ. Въ этой дѣвушкѣ я узналъ дочь Келишъ-Бей, красавицу, какую трудно увидѣть во снѣ и тому, кто въ первый разъ покурить оному. Чадра дѣвушки была откинута, черныя нити ея залетенной косы въ безпорядкѣ раскинулись по плечамъ и блѣдному лицу. Дрожа востыломъ и судорожно хватаясь за грудь, она бросилась ко мнѣ навстрѣчу.

— Тергеми! спаси! спаси меня... Умру! Она ужалить! кричала дѣвушка.

— Кто, Чизьма? кто? что съ тобою?

— Ахъ! здѣсь... на груди... вынь ее! вынь, Тергеми! И Чизьма почти безъ чувствъ, но вѣрно безъ сознанія, упала ко мнѣ на грудь.

Въ восторгъ и ужасъ, я осматриваясь, боясь посторонняго взгляда.

Дѣвушка, рыдая, судорожно прижималась ко мнѣ, какъ будто стараясь задуть что-то на груди своей.

— Чизьма, астехъ-ла! (звѣзда глазъ моихъ!) Я ничего не понимаю, пусть не свѣтитъ мнѣ солнце; пусть не глядятъ на меня очи—огонь твой! вскричала я, отвѣчая, по-видимому, на пламенную ласку дѣвушки тою же ласкою.

— Тергеми, Тергеми... спаси! Ахъ, какой холодъ! она... она за бешметомъ... вынь, вынь змью...

— Змью! прощенталь я... за бешметомъ?

Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу при этой мысли. Я замеръ отъ ужаса и счастья. Разстегнуть бешметъ дѣвушки, дочери князя... да, словомъ — бешметъ красавицы... Ай, ай — кунаки, какое преступленіе, и какое очастіе! Но преступленіе было невольное. Я могъ думать, что самъ шайтанъ, въ образѣ змѣеныша, и на мою гибель, забрался въ такое сокровенное мѣсто... Рука моя невольнo скользнула за бешметъ, рванула шелковый нагрудникъ и... я, поймавъ маленькаго скорпіона за хвостъ, далеко отбросилъ его отъ себя. Въ то же мгновеніе чадра скрыла отъ взгляда моего прекрасное лице красавицы.

«Тергеми! тихо сказала дѣвушка, протянувъ ко мнѣ свою бѣлую, мягкую руку; голосъ ея дрожалъ, рука тоже. Тергеми, повторила она, — ты, вѣдь ничего не видалъ?»

— Нѣтъ! Чизьма, нѣтъ! Теперь такая тма, что я даже не разглядѣлъ и этого проклятаго змѣеныша.

«Тергеми, ты храбрый и благородный наздникъ; я увѣрена, что ты ничего не скажешь Аслану, ничего и подругамъ моимъ?»

— Нѣтъ, клянусь тебѣ словомъ отца твоего!

«И не повторишь друзьямъ дѣвушкамъ того, что сказалъ мнѣ?»

— Что же я могъ сказать, Чизьма, я, простой и бѣдный вукеръ твоего отца?

Дѣвушка сильно и съ чувствомъ пожала мою руку.

«Ты сказалъ, что очи мои огонь, Тергеми,» шепнула она, и въ ту же минуту быстрые мысли исчезли изъ глазъ моихъ.

Какъ ослѣпленный молніею, оставался я недвижимъ на мѣстѣ, озадаченный словами Чизьмы. Ея таинственное требованіе рѣшительно убило во мнѣ все догадки и все мысли.

Не помню, какъ я разсѣдлалъ моего коня, какъ пришелъ въ саклю и уснулъ. Только такой странной и неспокойной ночи не проводилъ я ни въ Черныхъ Горяхъ, ни въ Аваріи, преследуя тигровъ, ни даже въ Казбекѣ, гдѣ вѣчно слышится голосъ и стоны брошеннаго въ пропасть*. Мнѣ грезилось то очаро-

* Кавказскій Прометей. О немъ Ге-ю-ко разскажетъ въ свое время.

вательны толпы гурій, то сотни змь, холодныхъ какъ снѣга Эльбурса; онъ ползли по мѣей груди, и страшно, и больно сосали мое сердце. Голова моя пылала, грудь тоже. Со стономъ пробьсался я, и вотревоженный какою-то мыслию, со стономъ упалъ на мой войлокъ.

Еще тревожнѣе встрѣтилъ я наступившее утро. Сначала меня пугала мысль, что Чызма не избѣжитъ клеветы и позора, а я баранты, если кто нибудь оставался свидѣтелемъ моей невольной встрѣчи съ дочерью князя; но въ полдень, при новомъ свиданіи съ Чызмой, я понялъ, что не страхъ, не опасенія волновали мое сердце, пѣть, кунаки, безумный Тергеми полюбилъ дѣвушку. Всякій другой на моемъ мѣстѣ бросилъ бы Сухумъ, саклю Башхенкала, и бѣжалъ бы въ горы, далѣе отъ мѣсти Келишь-Бея, далѣе отъ встрѣчи съ тою, за которую я могъ дать только одинъ калымъ—мою голову и жизнь. — Шли дни, проходили тоскливыя ночи, такъ миновалъ и цѣлый мѣсяцъ. Я все оставался въ Сухумѣ, я не могъ его бросить. При каждой встрѣчѣ со мною, горный вѣтеръ, какъ нарочно раскидывалъ по плечамъ чадру княжеской дочери, и Чызма долго и нѣжно глядела на меня, какъ будто бы говоря: красавецъ Тергеми, бѣдняжка Тергема? А между тѣмъ, чѣмъ нѣжнѣе становился взглядъ дѣвушки, тѣмъ мрачнѣе смотрѣлъ на меня отецъ ея. Вѣроятно, онъ узналъ все, все!

Я далъ себѣ слово въ первую темную ночь оставить Сухумъ, и бѣжать въ Цебельду, гдѣ въ это время Абазинскій наездникъ Урусій набиралъ шайку головорезовъ.

— Въ послѣдній разъ сегодня, думалъ я, промчусь на моемъ конѣ подъ окнами княжеской сакли, въ послѣдній разъ взгляну въ эти окна, и потомъ, прощай, Сухумъ!

Съ этими мыслями я осѣдалъ коня, вспрыгнувъ на сѣдло, и, обогнувъ саклю Келишь-Бея, пустился безъ мысли и цѣли береговыми камышами. Вечерело, когда, остановившись у аула Охвеме, я разгляделъ въ морѣ небольшое Турецкое судно, которое держалось въ виду береговъ, плавая отъ Сухума до Охвеме и обратно. Въ то же время въ прирѣчныхъ камышахъ я замѣтилъ два скрытые кавка. Въ другое время прїѣздъ къ намъ Транзондскихъ гостей не показался бы мнѣ страннымъ, но тогда это обстоятельство могло обратитъ на себя вниманіе каждаго. Уже болѣе мѣсяца, какъ мы не видали Турокъ. Султаны, негодуя на Келишь-Бея,

запретили своимъ кунамъ торговать на нашемъ берегу; къ тому же носилась слухъ, что Бугуръ-Кальскій * Паша имѣлъ повелѣніе схватить князя живымъ или мертвымъ. Я выбрался на скалы, и здѣсь рѣшился дожидаться ночи, карауля Сухумскую дорогу. Расположась на удобной площадкѣ, такъ, что отъ моей наблюдательности не скрывался ни горныя, ни береговыя тропинки, и пустивъ коня щепать скудную траву, я вдался грустнымъ мыслямъ, задумываясь то о своей судьбѣ, то объ опасностяхъ, какія ожидали князя. Наступила ночь, сырая и холодная. Мракъ, безпрестанно сгущаясь съ туманомъ, наносимымъ съ моря, скоро превратился въ непроницаемую тму, и къ тому же полилъ жестокой дождь. Двѣть было нечего. Не забывая своихъ опасеній, я далъ себѣ слово, не смотря на холодъ и ненастье, ночевать у порога княжеской сакли. Между тѣмъ мой Карабахскій вихорь, отыскивая сочной травы, далеко ушелъ съ площадки. Я началъ его высвистывать. Въ ту же минуту, въ оврагъ, мимо котораго я, проходилъ кто-то повторилъ мой свистъ, и спросилъ:

— Байра, ты?... Мы здѣсь.

При имени Байры, одного изъ самыхъ безсознательныхъ нукеровъ князя, я уже не могъ сомнѣваться: этотъ загадочный сигналъ и вопросъ совершенно оправдали мои подозрѣнія.

Положивъ руку на кинжалъ, и отведя курокъ пистолета, я приблизился къ оврагу, и далъ утвердительный отвѣтъ.

— Ну, что, пора? повторилъ тотъ же голосъ... Намъ десять молодцевъ, и все вооружены прекрасно... Не трусь.

«Пора, кунаки, пора!» отвѣчалъ я.

— А есть ли кто нибудь въ саклѣ Келишь-Бея? Разошлись ли уздени его?

«Послѣдняго проводилъ сейчасъ.»

— Молодецъ ты, Байра, не заставилъ насъ долго мокнуть въ этой трупцѣ; не даромъ на тебя именно и указалъ намъ Бугуръ-Кальскій Бимъ-Башъ, не даромъ и возьмешь четыре шапки абазовъ. Ну, въ дорогу. Сядемъ на канки и въ весла, только бы поймать птичку, а ужъ тамъ прямо съ канка на кочерму.

«Нѣтъ, нѣтъ, кунаки, вскричалъ я, желая раздѣлить силы враговъ. Скорѣе и вѣрнѣе донеду

* Крѣпость Анапа, находилась тогда во владѣніи Порты, называлась Бугуръ-Кале.

васъ до княжеской сакли горными тропинками, а для того, чтобы переправить нашу добычу на кочерму, отдались кто нибудь и слѣдуй за нами на канкахъ въ виду берега.»

Желаніе мое было исполнено; на все согласный и увѣренный въ удачу, начальникъ отряда отдалъ четырехъ солдатъ на канки. Съ остальными, въ нѣмомъ молчаніи, я пустился горными тропинками. Вотъ и Сухумъ, вотъ послѣдній переходъ, и въ десяти шагахъ отъ насъ сакля князя, въ которой еще пылалъ огонь. Послѣднее обстоятельство меня ободрило: я увѣрился, что князь еще бездѣловалъ съ своими любимцами. Чтобы достигнуть сакли, намъ должно было переправиться черезъ пропасть по ветхому и шаткому бревну. Я поползъ первый, за мною перебрался начальникъ отряда. Выждавъ еще одного врага, я, быстрымъ толчкомъ, брѣвнище бревно въ пропасть и, въ то же мгновеніе выстрѣливъ въ припоръ по начальнику отряда, бросился съ кинжаломъ на его товарища. Оставшіеся на другомъ краю пропасти съ проклятіемъ пустились на меня насколько пудъ.

Шумъ выстрѣловъ разбудилъ монаха одноаулцевъ. Цѣлыя толпы ихъ, предводимыя самимъ княземъ, сбѣжали къ предгорью. Турки бѣжали, но раненый начальникъ отряда и его товарищъ были въ нашихъ рукахъ....

Нечего и говорить, что враги подъ кинжаломъ выказали правду.

— Ну, Тергеми, сказала Келишь-Бей, обнимая меня. Ты спасъ мнѣ жизнь, я долженъ наградить тебя. Ты любишь Чызму, она любитъ тебя... Не заирайся, храбрый товарищъ... Чызма будетъ твоею женою, а въ калымъ за нее беру твою преданность и честность.

Въ день моей свадьбы на Гуахской Скалѣ, въ виду всего Сухума, повесили Байру и плѣнныхъ Турокъ....

Здѣсь начинается исторія моихъ несчастій, но ее разскажу вамъ въ другой разъ.

Не ждите, кунаки, ни бѣды, ни счастья отъ большой причины, ждите ихъ отъ маленькой... Бросьте, храбрые и благородные наездники, по одному чаури въ рваную кабардинку Гюю-ко, заключивъ разскащикъ.

В. Савиновъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ П. А. РАТЬГОВА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Морской, въ домѣ Г-на Бейльштейна, и въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Г-жи Мытлековъ, и на Мясницкой, въ домѣ Юрцовскаго, въ книжной лавкѣ П. А. Флатова, продается на сихъ дняхъ отпечатанная:

НОВѢЙШАЯ РУЧНАЯ КНИГА ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛОШАДЕЙ,

въ трехъ частяхъ, съ приложеніемъ девятиста рецептовъ на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, для оказанія немедленнаго пособія. Часть первая: Руководство къ распознаванію и леченію внутреннихъ и наружныхъ болѣзней лошадей. Часть вторая: Вѣрные способы узнать мѣсто хромоты у лошадей, во всякое время и излечить мокрецъ или ежовое кольцо. Часть третья: Наставленія, какъ долженъ неопытный всадникъ держать себя во время нечаянной остановки лошади въ курбетъ; какъ поступать, сидя на упрямой лошади; какъ поступать сидя на пулявой лошади и какъ поступать въ то время, когда лошадь закушетъ удила подъ всадникомъ и пошевелитъ его. 1852 года. Цѣна 1 р. 50 к. сер.

Если лошадь подвергается какой нибудь болѣзни, то, или по стѣпенности мѣста, или по случаю нахождения въ дорогѣ, не всегда бываетъ возможно пользоваться посѣдами ветерина нагидѣла. Тогда владѣлецъ лошади долженъ по авалъ ей пособіе самимъ, но не всякій умѣетъ приступить къ этому дѣлу, и многіе, приступая къ нему, дѣлаютъ болѣе вреда, нежели пользы животному. Въ подобномъ случаѣ много можетъ помочь хорошее руководство, въ которомъ на всѣ, наиболее встречающіяся болѣзни, опи описаны во ихъ признакахъ, были бы представлено пріемы, дознанія, такъ сказать, и дѣ руками находящіяся, но тѣмъ не менѣе въ немъ средства — Предлагаемое нѣтъ руководство отличается на нѣзкими достоинствами. Признаки болѣзней описаны въ немъ кратко и ясно, такъ что самый несвѣдущій можетъ по нимъ тотчасъ же свѣтъ родъ болѣзни, и смотря по этому, употребитъ то или другое средство. Для болѣе удобности каждый рецептъ переведенъ здѣсь на Русскій языкъ, чтобы по немъ можно было составлять лекарства самому. Равнымъ образомъ здѣсь находится наставленія какъ безошибочно покупать лошадей и съ перваго взгляда узнавать, какіе недостатки скрываются въ животномъ. Такіе образцы руководства это, особенно для жителей убогихъ въ отдаленности отъ города и для находящихся въ дорогѣ, съ вѣроятною книгой и лучшей лечебникъ, по которому можно въ самое дѣшевѣе время оказывать облегченіе и пособіе страждущему животному. — Любители верховой ѣзды также найдутъ здѣсь для себя многія полезныя наставленія, руководствующія къ правльному управленію лошадей во время ѣзды на ней верхомъ.

КРАТКОЕ И ПРОСТОЕ РУКОВОДСТВО

къ построенію удобныхъ, прочныхъ и наиболее безопасныхъ отъ огня избъ, ригъ, овинновъ, крышъ, печей въ избахъ и устройству колодезей и водоподъемныхъ къ онымъ приводовъ, изъ матеріаловъ недорогихъ и подручныхъ. Составилъ Федоръ Нестеренко. Вся необходимая книга для Гг. помещиковъ, управляющихъ имѣніями и сельскихъ хозяевъ. Спб., 1852. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к. сер. Вышвы-вающіе ее съ другими книгами, за пересылку не прилагаютъ.

ТЕЛЕГРАФЪ.

ПЯТНИЦА, 7-го Ноября.

Отъ 8-ми до 10-ти час. утра и отъ 2¼ до 4¼ час. пополудни. Гимнастическое званіе Г. де-Рона, для мужчинъ, и отъ 11-ти до 2-хъ час., для дамъ, въ домѣ Коммерч. Общества (на Английской набережной).

Отъ 11-ти утра до 9-ти час. вечера. — Большой кабинетъ механическихъ автоматовъ и восковыхъ фигуръ (въ Большой Морской, въ отапливаемомъ зданіи противъ Отдѣленія Почтовыхъ Каретъ).

7¼ час. — На Большомъ Т.: 6-е представленіе 3-го абонемена Итальянской оперы: Норма.

7 час. — На Александринскомъ Т.: Гавъ мѣлъ, тамъ и мухи, оригинальная комедія; Разбитая чашка, комедія-водевилъ; Двертиссементъ, составленный изъ танцевъ и пѣнія.

7 час. — Въ Театрѣ-Циркѣ: Блокада Ахты, историческій военный эпизодъ; Мужъ-Геркулесъ или бракъ XIX вѣка, комедія-водевилъ; Сивирный Аме, канецъ и его соперникъ, водевилъ.

Въ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ СЪВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ, въ С. Петербургѣ, по Мойкѣ, подлѣ Почтамтскаго Мостика, въ домѣ подлѣ № 83-мъ, продаются:

КРАТКОЕ И ПРОСТОЕ РУКОВОДСТВО къ построенію удобныхъ, прочныхъ и наиболее безопасныхъ отъ огня крестьянскихъ избъ, ригъ, овинновъ, крышъ, печей въ избахъ, и устройству колодезей и водоподъемныхъ къ онымъ приводовъ, изъ матеріаловъ недорогихъ и подручныхъ. Составилъ Федоръ Нестеренко. Вспомогательная книга для Гг. помещиковъ, управляющихъ имѣніями и сельскихъ хозяевъ. Спб., 1852. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к. сер.

ПРОСТЫЕ И ВѢРНЫЕ СПОСОБЫ, КАКЪ ПОДАВАТЬ СКОРУЮ ПОМОЩЬ МИМО-УМЕРШИМЪ, какъ то: утопленникамъ, пораженнымъ молніею, угорьшимъ, замершимъ, удушеннымъ и вообще людямъ находящимся въ крайней опасности лишиться жизни. Для всѣхъ сословій людей составилъ, по повѣншимъ понятіямъ, Докторъ Ретель. Переводъ съ Нѣмецкаго. Спб., 1852. Цѣна 30 к. сер., въсов. за фунтъ.

Контора Редакціи Сѣверной Пчелы высылаетъ и въ другія Русскія книги, гдѣ и кѣмъ бы то ни было публикованныя, немедленно съ первою отходящею почтой.

Тюльрийскому Саду. У одного из окон дворца сидел Эмир Абдель-Кадер. Немедленно после осмотра все войско возвратились в свои казармы. Вечеру публичные здания были иллюминированы. (J. de St. P.)

— В четверть третьего, Министр Внутренних Дел Г. Персилье верхом и в парадном мундире мундире прибыл на Площадь Согласия, и среди батальонов национальной гвардии громко прочитал результат голосов 21-го — 22-го Ноября, после чего провозгласил империю. На чтение национальной гвардия отвчала единодушными криками: да здравствует Император! (Ind. B.)

— Декретом повелено, чтобы на государственной печати изображен был коронованный орел, покоящийся на молниях. Печати и печати всех государственных ведомств будут с тем же орлом, как и государственная печать, и с надписью той администрации, к которой принадлежат. (Ind. B.)

— В другом декрете предписано о возобновлении второго отделения главного штаба армии (резерва), учрежденного вторым параграфом закона 4-го Августа 1839 года и отмененного декретом 11-го Апреля 1848. По этому закону, генерал-лейтенанты и генерал-майоры (maréchaux de camp) делились на два разряда: в первом состоянии на службе и по армии (en disponibilité), во втором числящиеся в резерве. Из первого разряда переходят в резерв генерал-лейтенанты, имеющие от роду 65 лет, и генерал-майоры, которым исполнилось 62 года. Генералы, назначенные сенаторами, считаются в действительной службе по старшинству в первом разряде, до перехода их в резерв. (J. de St. P.)

— В следствие обнародованного вчера декрета, все замечания, сделанные до сего числа Парижским и департаментским газетам, на основании декрета 17-го Февраля 1852 года, объявляются отмененными и недействительными. Известно, что после двух замечаний газета может быть прекращена. (J. de St. P.)

— В Раус напечатана сегодня просьба бывшего депутата-монтаньяра Шавуа о прощении. Любопытно видеть, что в первый раз слово *подданный* употреблено в правительственной газете под именем одного из вступивших демократов республиканского Национального Собрания. (J. de St. P.)

— Письмом из Парижа от 28-го Ноября сообщают, что, уступая убеждениям своего семейства, а наиболее супруги, Г. Ларошжакедэн решительно отказывается от звания сенатора. (Иг. З.)

— Сенский Неправительный Судь решил сегодня дело Г. Руде, виновного оставления в Инвалидном Доме. Приказки его Друзя и Луве, избившие в обман, осуждены на полугодовое тюремное заключение и на уплату 100 фр. пени каждый, а Г. Руде на годичное заключение и 500 фр. пени. Сверх того, все трое на уплату 26,000 фр. в пользу Инвалидного Дома. (Ind. B.)

— В Министре замечают, что по новому устройству гимназий, в высших отделениях, 1-го Ноября сего года избрали классическое образование 4,023 воспитанника, а 4,560 поступили в отделы математических и естественных наук; до 1-го Ноября в первом отделе было 6339, а во втором 1,970 человек. (Fr. St.)

— 5-го Декабря. Сегодня собрался Сенат для рассмотрения трех декретов, представленных на его утверждение: первым, как слышно, производятся некоторые перемены в уложении; другим утверждается доход (liste civile) нового Императора и членов его фамилии, а в третьем заключаются распоряжения о положении сих членов Императорского Дома. — Бывшему Министру Внутренних Дел, Графу Морни, принявшему деятельное участие в перевороте 2-го Декабря 1851 г., пожалован орден Почетного Легиона первой степени. (Ind. B.)

АНГЛИЯ.

Лондон, 3-го Декабря. Вчера, в Верхнем Парламенте, Маркис Клаурикард прочитал предложение, которое он намерен представить на сих днях: «Парламент с удовольствием признает,

что дешевизна съестных припасов, произведенная новыми законами, наиболее содействовала к улучшению положения Англии, и к усилению благосостояния промышленных сословий, а как, после зрелых обсуждений, неограниченная конкуренция принята основным правилом нашей коммерческой политики, то Парламент и почитает долгом безусловно присоединиться к сей политике.» Граф Дерби предложил следующее изменение в записке Лорда Клаурикарда, на которое иоследний и согласился: «Парламент с благодарностью видит всеобщее благосостояние, и живо чувствуя бедствия, происходящие от частых перемен в финансовой политике, присоединяется к новоустановленной коммерческой системе, и с сожалением встретишь всякую новую попытку к нарушению ее действий и будущего развития.» (J. de St. P.)

— 4-го Декабря. Г. д'Израэли вложил вчера свой финансовый план в Нижнем Парламенте. В газетах напечатана сегодня речь Канцлера Казначейства, продолжавшаяся пять часов. Он начал исключением ушербов, внесенных новыми законами выгодам трех народных сословий, а именно: коммерческому флоту, Вест-Индским Колониям и земледельцам вообще. Средства Правительства к вознаграждению сих сословий недостаточны. Эти средства ограничиваются следующими мрами. Купеческий флот получает убавку пошлины с маяков. При этом казна потеряет 100,000 фунт. ст. в год. Для пособия колониям дозволено рафинировать сахар, хранившийся в складах, о чем давно уже проит хозиева плантация. С земледельцев будут убавлены подати, взимаемые на содержание больших дорог. Исчислив эти три мры вознаграждения, Г. д'Израэли приступил к общей системе налогов. Он предлагает сбавить наполовину акциз с солода. Казна потеряет от этого 2,500,000 фунт. ст., но мара сн послужит к выгодам как производителей, так и потребителей. Вторая сбавка произведена будет с винограда чаю. Теперь платят с фунта по два шиллинга два с половиною пенса. Пошлина эта, в течение шести лет, постепенно убавится до одного шиллинга. Третья мра будет состоять в убавке половины пошлины с хмеля. Все эти распоряжения, вместе взятые, производят для казны уменьшение доходов в три или четыре миллиона ф. ст. Здесь Канцлер Казначейства напомнил, что чрез несколько месяцев окончится срок взимания подати с доходов. Надобно будет решить продолжит ли оную. Но при возобновлении ее следует изменить систему распределения, которая до сих пор была не одинаково на всех. Во-первых, надобно положить различие между доходом, получаемым с истовойной собственности, и между промышленностью или ремеслом. Пошлина с сего последнего разряда уменьшится на одну четверть. Во-вторых, должно распространить нынешнюю систему подати с доходов. Теперь она начиается с дохода в 150 фунт. стерл. в год. Должно будет меньшую сумму определять во сто фунт. стерл. с промышленности, и 50 фунт. стерл. с недвижимой собственности. Наконец было бы справедливо, чтоб Ирландия, не платившая до сих пор этой подати, была также подвергнута оной. Но должно налагать ее без различия на поземельную собственность, но сдвудеть взимать ее с доходов от промышленности. Разматывая по тому государственные расходы, Канцлер Казначейства объявлял, что суммы, требуемые на исполнение оборонительной системы Англии, простираются на сей год до 600,000 фунт. стерл. Возмужение Ламаншской эскадры и необходимое усиление артиллерии требуют сих расходов. Для вознаграждения всех означенных уменьшений доходов, Канцлер Казначейства не назначает установления новой подати, но почитает нужным увеличить налог с домов, а именно: с девяти пенсов возвысить до одного шиллинга и шести пенсов налог с домов, и с шести пенсов до одного шиллинга с лаок. Сверх того он предлагает не ограничиваться взиманием налога с домов, приносящих 20 фунт. стерл., но брать его и с тех, которые дают 10 фунт. стерл. По-

средством этих изменений он полагает возможным сохранить равновесие между приходом и расходом. Г. д'Израэли изложил весь этот финансовый план с известным своим талантом, которому Парламент отдал полную справедливость. В газетах Times, служащей выражением мнений коммерческого мира, отзываются о министерском плане благоприятно. В Morning Post, издаваемой под влиянием Лорда Пальмерстона, с этим не соглашаются. (J. de St. P.)

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Мадрид, 27-го Ноября. Слухи о государственном перевороте становятся настоятельнее и подробнее. В частных письмах из Мадрида говорят, что в Совете Министров предложено, если в Сенате или собрании Кортесов произойдут какие либо волнения, немедленно закрыть Палаты, и тогда само Правительство приступить к изменению уложения, избирательного закона и правил о Палате Депутатов. Сенат будет впрямь состоять из пожизненных членов, назначаемых от короны. Число депутатов будет убавлено до ста пятидесяти, и право избрания будет иметь только лица, получающие 30,000 реалов дохода с недвижимого имущества. Избирательное сословие подвергнется вместе с тем значительному уменьшению. Если еще в другие проекты, которых корреспонденты не объясняют. (J. de St. P.)

— В Мадридской Газете 22-го Ноября напечатаны два декрета: в одном принята просьба об увольнении Военного Министра Генерала Лары, а другим назначен на его место Генерал Гастано де-Табино. Сенаторы и Генерал-Инспектор Каррабьеро. (J. de St. P.)

— Из Вены от 1-го Декабря пишут: «Судья прислал к Нам самое дружественное письмо в ответ на протест последнего против дурного обращения, которому подвергались Боснийские Христиане. По этому делу ведутся переговоры между Цортою и Римским Двором с 1845 года.» (Fr. Z.)

ГІЕ-Ю-КО.

ТРИ ГРѢХА.

Блудник Бурхан и его богатство. — Золотой мальчик. — Брат-предатель. — Украин! оградил!

«Вот, кунаки, с чего начнется история моих несчастий, прошу прислушаться, и начал рассказывать. — Постой, Тергеми, погоди! вскричал один из слушателей. О твоих несчастиях ты рассказываешь нам в другой раз, а теперь потыши наш слух славною сказкой о бродяжлом павздышкы...»

— Да, да! крикнули несколько голосов: о твоём горе после; рассказывай о красавице Доссань и о том, как родной брат продал ее в неволю.

«О чем бы ни говорить, храбрые джигиты, мне все равно; но одному чаура с кармана — и язык мой продашь... Слушайте!»

— Тую... слушайте! слушайте! раздалось в толпе, и затем звякнула медная лента в рваной кабардинке Гіе-ю-ко. Он отшатнулся и начал:

«Если вы когда нибудь будете на ирломъ берегу Уруха, в нескольких верстах выше селения Аксаргинь, то Осетины укажут вам здесь на страшный колодезь Байдагъ, названный *Пропастью трехъ грѣховъ*. На моста этого колодезя давно, очень давно стояла сакля бѣднаго Осетина Бурхана. Однако, не смотри на его нищету, жалкая и встлая сакля горемыки всегда была полна гостями, в число которыхъ трудно было втѣснить сдой усъ или изодранную чуху старика горца. Казалось, все топоща Осетин и Кабардин, все горская молодежь были в твоёмъ участіи съ Бурханомъ... Но это только такъ казалось! Не дружибы бѣдняка, не чарки пьянаго Абхазскаго меду, не крова и отдыха искал каздышкы и джигиты у Бурхана, не для него спотыкался конь горцевъ подъ окнами сакли, пить! Бѣднякъ владѣлъ

* См. №№ 101-й, 249-й и 250-й Съв Пчелы 1852 года.

очаровательною приманкою для молодежи, такимъ сокровищемъ, за которое каждый Дагестанскій Татаринъ позволялъ бы себѣ обрѣчь голову, и оторвать кудрявые зюльфы. Въ самомъ дѣлѣ, Доссана, родная сестра его, была дѣвушка редкой, необыкновенной красоты... Черные глазки, полные огня и страсти, стройный, гибкій станъ, перетянутый простымъ мѣшурнымъ суромомъ, звонкая пѣсня, рѣзвая, какъ струйки Уруха, пляска легкая, все это составляло прелести Доссаны, заставлявшія битися страшною завистью сердца ея подругъ... Вотъ для чего и для кого молодежь проводила дни и ночи у порога жалкой сакли Бурхана.

Однажды весной гости его развѣхались довольно рано. Последний простился съ хозяиномъ довѣй и статный Кабардинецъ Гассангъ-Бекъ, который на прощанье такъ дружески обнялъ Осетина, наговоривъ ему тму лести и любезностей, что, казалось, не было ни какого сомнѣнія въ вѣчномъ куначествѣ между Гассангъ-Беккомъ и Бурханомъ, и въ томъ, что послѣдній уже получалъ отъ перваго богатый калымъ за красавицу сестру свою. Это обстоятельство оправдывалось еще и печальными лицами прочахъ гостей, простившихся съ приятелемъ на этотъ разъ довольно сухо. Едва смолкъ звонъ серебряной уздечки бека, едва скрылась его кабардинка за утесомъ, какъ чей-то звонкій голосъ окликнулъ Бурхана. Осетинъ, оставивъ до того на порогѣ сакли, и слѣдившій за стѣзжающимъ гостемъ, быстро бросился на знакомый призывъ, и въ два, три прыжка достигъ крутого берега Уруха.

— А! Сафаръ! змѣнишь Сафаръ! вскричалъ Осетинъ, подходя къ мальчику, одѣтому въ легкое платье Турецкихъ контрабандистовъ... Три года не видалъ я тебя, а сейчасъ узналъ твой голосъ... Что, Трапезонтскій плутъ, продолжалъ Бурханъ: вѣрно опять въ нашихъ горахъ съ отцемъ, мняете золото и порошокъ на прелести нашихъ красавицъ?

Мальчикъ лукаво улыбнулся. «Да, отвѣчалъ онъ, ты угадалъ, Бурханъ... И сказалъ правду, не кормя добраго человека ни глиной, ни грязью, настоящая весна не обливала насъ напрасно потоками съ нашихъ горъ: шесть каравановъ съ красивымъ товаромъ уже отправили мы въ горной Абазии въ Цицунду берегомъ Бзыби, да изъ Кабарды четыре, чрезъ Мингрелию на Пети... Не

знаемъ только, чѣмъ-то насъ порадуешь Бурханъ, и что подарить намъ Осетия!»

— Плохо, голубчикъ Сафаръ, очень плохо, отвѣчалъ Осетинъ, и не кормя добраго человека ни глиной, ни грязью, какъ говоришь ты, скажу тебѣ, что въ Осетии намъ не добыть нынѣ ни одного ноготка, крашенаго хиной...

«Какъ? куда же вы, Бурханъ, запропастили вашихъ красавицъ?»

— Не дальше Персиа, душа души моей. Прешедшую осень васъ предупредили Дербентскіе промышленники.

«Плохо, очень плохо, повторю и я, сказалъ мальчикъ... Но, я думаю, продолжалъ онъ, это не помашаетъ тебѣ повидаться съ моимъ отцемъ... Онъ ждетъ тебя на противоположномъ берегу.» И мальчикъ, не дожидаясь отвѣта, прыгнулъ въ лодку, пригласивъ Осетина слѣдовать за собою.

Спустя десять минутъ, Бурханъ уже кейфовалъ подъ густымъ чинаромъ, за душистымъ кальяномъ и прохладительными, растянувшись на мягкомъ коврѣ, подлѣ стариннаго своего друга Абдула.

«Глушь же ты, мой почтенный кунакъ, глушь, какъ пустая пуговица, говорилъ старый Абдулъ, поглаживая свою длинную бороду, и покручивая ея заостренный кончикъ. Клянусь семью имамами и седьмымъ небомъ, обвѣщающимъ намъ столько блаженства, ты глушь!»

Бурханъ молча съ какимъ-то волненіемъ оцѣпывалъ позументъ своей черкески.

«Да, глубокомысленно продолжалъ Турокъ: сама судьба бросаетъ въ твои карманы блестящія пиастры, а ты увертываешься отъ нихъ, какъ отъ пули!.. Пхе!.. ты, у котораго черкеска до тла съедена зубастымъ временемъ»...

— Но видишь ли, Абдулъ...

«Вижу, что ты упряма и глушь, какъ горный лошакъ, перебилъ Турокъ. Рѣшительно говорю правду, положи руку на сердце, которое врываетъ въ коранъ... Ужасъ, Бурханъ, ужасъ!.. не хотать, не желать этого сокровища!» добавилъ Абдулъ, выскыпавъ на коверъ груды золота.

Слезы сверкнули на глазахъ Бурхана въ то время, какъ золотой дождь искрился подъ рукою кунаца, пересыпавшаго звонкіе пиастры.

— Но, подумай... началъ было Бурханъ.

«Вздоръ! Подумай ты!» вновь задалчиво перебилъ Турокъ, и продолжалъ, играя сокрови-

щемъ и, какъ будто бы ненарокомъ, роняя пиастры на ветхую полу Бурхановой черкески: «подумай, говорю тебѣ, о томъ, что такое красота женщины? Хе! Вѣдь она, мой задушевный кунакъ, не то, что этотъ красивенькій пиастръ... пѣть, не то!... онъ и устарѣетъ, и потеряетъ блескъ, а цѣна ему все та же... а красота! У! Бурханъ... красота не пиастръ, право не золото! добавилъ Абдулъ, думая, что сказалъ высокую истину. Женщинъ бѣда состарѣться, продолжалъ онъ: годомъ старше и сотню пиастровъ дешевле, а за серебро женской сѣдины, ты знаешь, не дадутъ и мѣди... такъ-то! Вотъ и красавица сестра твоя, вѣдь ужъ извѣна, она тоже женщина... За нее теперь на!.. машокъ золота, а это, дорогой мой кунакъ, пятнадцать тысячъ золотыхъ монетъ... При этомъ Абдулъ тряхнулъ золотомъ, и придвинулъ его къ Бурхану... Пройдетъ годъ, подмышка не дамъ, два—накланяешься за четверть, а черезъ три... Ну, думай, Бурханъ!..»

— О Абдулъ!.. продать сестру, родную сестру... и протавъ ея воли! подумай, чего ты отъ меня требуешь, вскричалъ горецъ, дрожа отъ волненія, и устремивъ пылающій взглядъ на золото контрабандиста.

«Требую, чтобъ ты согласился на свое счастье. Безумецъ! разгадай только, что лишаешь сестру всѣхъ чаръ и наслажденій первой одалыки султанскаго гарема, а себя мышка, подлаго по самья завязки золотомъ. Съ нимъ бы Бурханъ былъ первый извѣдникъ въ Осетии... Насѣвка его винтовки горѣла бы ярче солнца; его дорогой Хоросанскій книжалъ рубилъ бы сталь, какъ пилку; толпа лихихъ нукеровъ встрѣчала бы съ поклономъ Бурхана, подводя ему скакуну, крытого шалью Стамбульскою, а гордые князья Большой и Малой Кабарды держали бы ему стремя... Да! ты сячи барановъ, сотни вихрей-коней и десятки красивыхъ горняковъ могли бы принадлежать тебѣ, Бурханъ, а ты...»

(Продолженіе впрѣдъ.)

ТЕЛЕГРАФЪ.

ВТОРНИКЪ, 2-го Декабря.

Отъ 8-ми до 10-ти час. утра и отъ 2¼ до 4¼ час. пополудни, Гимнастическое заведеніе Г. де-Рона, для мужчинъ, и отъ 11-ти до 2-хъ час. для дамъ, въ домѣ Коммерч. Общества (на Английской Набережной).

Отъ 10-ти до 8-ми час. — Открыта выставка вещей, назначенныхъ въ лоттерей въ пользу Александрискаго Евангелическаго Заведенія (у Синяго Моста, въ домѣ Якушиковой).

Отъ 11-ти до 12-ти час. — Бесплатное осматриваніе, въ домѣ Императорскаго Волынаго Экономическаго Общества (на углу 4-й Роты Имамъскаго Полка и Обух. Проспекта).

7 час. — На Большомъ Т.: 7-е представленіе 2-го абонежента Г-жи Карлоты Гриси: Эсмеральда, большой балетъ.

7 час. — На Александринскомъ Т.: Леста, Дивертисментъ русалка, волшебнаго-комическаго опера.

7 час. — На Михайловскомъ Т.: Les trois quartiers, comédie; Le piano de Berthe, comédie mêlée de chant; Les économies de la bocheard, vaudeville.

Подписка на полученіе Съверной Пчелы въ 1853 году принимается въ Конторѣ Редакціи Съверной Пчелы, на Мойкѣ, у Цынаго Почтамтскаго Мостика, въ домѣ Греча, подлѣ № 83-мъ, и въ мѣстахъ, означенныхъ въ заглавіи газеты. Подписная цѣна за годовое изданіе безъ пересылки 12 р. сер., съ доставкою въ С. Петербургъ 15 р. сер., съ пересылкою въ города 16 р. сер. За полугодовое изданіе безъ пересылки 7 р. сер., съ доставкою въ С. Петербургъ 8 р. 50 к. сер., съ пересылкою въ другіе города 9 р. сер.

Въ Среду, 26-го Ноября, вышеть № 48-й ПОСРЕДНИКА,

ГАЗЕТЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ХОЗЯЙСТВА И РЕАЛЬНЫХЪ НАУКЪ, издаваемой С. Усовымъ.

Содержаніе этого номера слѣдующее: *Промышленность*: Пришлети. — Жерновой камень. — Новое хлѣбное зерно. — Холостячество. — Приготовленіе парнаго мяса. — Садоводство: Разведеніе катальпы Кемперовой. — *Науки*: Новая наблюденія надъ черноземомъ и травами въ степномъ краѣ. — *Торговля*: Извѣстія: Свѣдѣнія о торговлѣ хлѣбомъ, саломъ, пенькою, льномъ, сѣмемъ льнянымъ изъ Лондона, Гамбурга, Риги, Одессы, С. Петербурга и другихъ мѣстъ. — Запасы сахара и кофе въ Европѣ. — Продажа скота въ С. Петербургѣ.

Газета Посредникъ будетъ выходить и въ 1853 году еженедѣльно, въ листъ, съ рисунками. Цѣна съ пересылкою 6 р., безъ пересылки 4 р. 50 к. сер. Относите въ С. Петербургъ, къ издателю Посредника, профессору Усову.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

АЛЬБОМЪ БАЛАГУРА.

Собраніе забавныхъ повѣстей, разсказовъ, сатирическихъ очерковъ, комическихъ сценъ, анекдотовъ, пифовъ и разныхъ курьезностей.

Составленный издателемъ

СКАЛОЗУБА И ПЕРЕСМѢШНИКА

Г. КРУГЛИКОВЫМЪ.

Сія книга продается у Гг. книгопродавцевъ Ратькова, Исакова, Лисенкова, Овсянникова, Базунова, Юнгмейстера, Печаткина, и въ Конторѣ Редакціи Съверной Пчелы, а также у самого издателя Г. П. Кругликова, въ Почтамтѣ.

Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкою 2 руб. сер.

У того же издателя можно получать книгу

СКАЛОЗУБЪ И ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

изданную въ 1847 году.

Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкою 2 руб. сер.

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго Собора, въ церковномъ домѣ, продаются слѣдующія книги:

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПО ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКѢ, съ 12-ю литографированными картинками и двумя планами, въ атласной оберткѣ. Спб., 1852. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. сер.

ДВА ГОДА ВЪ ПѢШУ У ГОРЦЕВЪ.

Воспоминанія о жизни и походахъ въ Кавказскихъ горахъ Штабель-Капитана Новоселова, разсказанныя В. Савиновымъ. Спб., 1851. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к. сер.

ГНѢЗДО ЛИСТОВЪ.

Романъ Эли Берте. Переводъ съ Французскаго. Четыре части. Спб., 1852. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. сер.

Кромѣ выше означенныхъ книгъ, можно выписывать изъ конторы Пантеона вообще всѣ книги и литературныя и учебныя пособія, гдѣ и гдѣ бы они изданы или опубликованы ни ббли, а также принимается подписка на 1853 годъ на всѣ ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ, выходящія въ Россіи, по цѣнамъ объявленнымъ отъ издателей, и разосланнымъ объявленіямъ отъ главной конторы Пантеона.

Желающія имѣть отдѣльно напечатанныя театральныя пѣсы какъ стараго, такъ и новѣйшаго репертуара, также могутъ обращаться съ требованіями въ контору.

Порученія Гг. иногородныхъ исполняются непременно съ первою почтою и съ возможнымъ соблюденіемъ выгодъ Гг. корреспондентовъ. — Гг. иногородные благоволятъ адресоваться по вышеозначенному адресу въ С. Петербургъ.

ками вышнего Императора. Ни тотъ, ни другой не были признаваемы Англією. Французское Правительство знало это, и потому принятый нынѣ титулъ основанъ не на правѣ преемничества отъ перваго Императора. Оно сообщило Британскому Правительству, что вовсе не имѣло этого въ виду. Императоръ уже въ рѣчи своей говорилъ въ этомъ смыслѣ. Онъ объявилъ, что царствуетъ въ силу народного избрания, а не по праву наследства. Сверхъ того, онъ призналъ все предшествовавшее ему правительству, и обязался исполнять все трактаты, заключенныя съ 1814 г. Англійское Правительство было довольно этими откровенными объясненіями, данными прежде нежели ихъ потребовали. Сверхъ того, при объявленіи о восшествіи на престолъ, дано обещаніе, что политика Императора будетъ та же, какою руководствовался до сихъ поръ Президентъ, то есть откровенная и прямодушная, не претворяющая обнаруживать потребности въ сохраненіи мира. Оба государства должны взаимно чувствовать эту необходимость. Возвращеніе къ войнѣ было бы преступленіемъ и безуміемъ. На одно изъ двухъ государствъ не можетъ покорить другаго, следовательно война была бы бесполезнымъ кровопролитіемъ. Лордъ Каннингъ спросилъ, въ какой формѣ даны объясненія Франціи, и желалъ знать могутъ ли они быть представлены въ Парламентъ. Лордъ Малмезбори ограничился отвѣтомъ, что они совершенно удовлетворительны и официальны. Ни одинъ изъ членовъ Верхняго Парламента не продолжалъ этого разговора, который тѣмъ и прекратился. — Вчера, въ Нижнемъ Парламентѣ, Канцлеръ Казначейства сообщилъ слѣдующее: «Я долженъ уведомить Парламентъ, что Ея Величество получила сообщеніе о перемѣнѣ, происшедшей въ формѣ Французскаго Правительства, а именно, что Имперія возстановлена (that the Empire has been reestablished), и что Императоръ провозглашенъ подъ именемъ Наполеона III. Слѣдствіемъ всѣгдашней политики Англии, признавать всякое существующее правительство, Министерство выразило Ея Величеству свое мнѣніе, что слѣдуетъ изъяснить немедленно и полное признаніе новаго Правительства (promptly, completely to recognize the new government). Въ то же время, сперва подъ дружественною формою, а потомъ формально и официально, сообщено Англійскому Правительству, что Императоръ Французскій вовсе не желаетъ выставлять своего права на наследіе имперіи, а напротивъ того полагаетъ, что единственное его право на званіе императора состоитъ въ избраніи его всею націею. Императоръ также добровольно объявилъ, что вполне признаетъ все правительство и дѣйствія ихъ съ 1814 года.» (J. de St. P.)

— Для защиты Англии совершенно изготовлены къ выходу въ море корабли: Герцогъ Веллингтонъ, Рояль-Албертъ, Агамемнонъ, Санъ-Парель, Сень-Жанъ-д'Акръ, Рояль-Джорджъ, Джемсъ-Уатъ, Либбаль, Алжиръ, Наль, Лагогъ, Аяксъ, Бленгеймъ и Эдмундъ. Нужны теперь только опытные и хорошіе моряки и солдаты для пополненія экипажей, и офицеры для командованія ими. Потомъ намърны заняться сухопутною артиллеріею, и лучшимъ распределеніемъ войскъ, въвѣривъ охраненіе мануфактурныхъ округовъ мѣстной милиціи; расходы на нее должны пасть на тѣ самыя мѣста, гдѣ она будетъ на службѣ. (J. de St. P.)

— Графъ Вестморландъ отправился въ Вѣну, для занятія своего мѣста Посла при Австрійскомъ Дворѣ. (J. de St. P.)

— Адмиралтейство предписало не допускать на королевскихъ верфяхъ ни одному иностранцу, какъ высшаго, такъ и низшаго сословія, осматривать верфи или стреляющія на нихъ корабли. (Фр. 3.)

— Въмѣсто умершаго Контръ-Адмирала Аустина назначенъ начальникомъ Остъ-Индской эскадры Контръ-Адмиралъ Свръ Флитвудъ Бротонъ Пелло (Fleetwood Broughton Pellew), сынъ известнаго Адмирала Эсмута. (Фр. 3.)

АВСТРІЯ.

— Вѣна, 4-го Декабря. Новый законъ о тисненіи вступилъ въ силу и дѣйствіе съ 1-го Декабря. Несмотря на строгость постановленій и на значительность суммы залоговъ, требуемыхъ для политическихъ газетъ, прекратились только три изъ

нихъ; за то многіе оставили политику, а другіе превратились въ еженедельные листки. (J. de St. P.)

— Въ Ллойдъ сообщаютъ, что таможенныя конференции закончатся на двѣ недѣли къ Рождеству. Уполномоченные воспользуются этимъ временемъ, чтобъ лично донести своимъ правительствамъ о ходѣ порученнаго имъ дѣла. Въ началѣ Января засѣданія оныя возобновятся и будутъ уже продолжаться безпрерывно. (J. de St. P.)

ПРУССІЯ.

— Берлинъ, 8-го Декабря. Вчера, по открытіи засѣданій Первой Палаты, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Г. Вестеаленъ, представилъ оной: 1) временное постановленіе 7-го Августа прошлаго года касательно выборовъ; 2) проектъ закона о составѣ Первой Палаты, назначаемой Королемъ; 3) проектъ закона, которымъ продолженъ промежутокъ времени между засѣданіями Палатъ: онъ будетъ созываться только одинъ разъ въ каждые два года, и 4) нѣсколько проектовъ законовъ о общинахъ, городахъ и селеніяхъ въ различныхъ провинціяхъ Прусской Монархіи. (J. de St. P.)

— Охранительная партія одержала блистательную побѣду въ выборахъ президентовъ по отдѣленіямъ Палатъ. (J. de St. P.)

— По послѣднимъ письмамъ изъ Берлина, въ Аугсбургской Газетѣ, Г. Брукъ вѣкоръ пріѣдетъ въ Берлинъ съ спеціальнымъ порученіемъ Высшаго Кабинета о таможенномъ вопросѣ, которое, кажется, будетъ имѣть цѣлю заключеніе коммерческаго и таможеннаго трактатовъ. (J. de St. P.)

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Римъ, 30-го Ноября. Здѣсь совершена была панихида за упокой души Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго. Россійскій Посланникъ и другіе члены посольства, все Русскіе, находящіеся въ Римѣ, значительная часть здѣшняго духовенства и высшаго общества присутствовали при семъ обрядѣ. (J. de St. P.)

— Со 2-го Декабря Французское Посольство въ Брюсселѣ выдаетъ уже паспорта отъ имени Императора. Въ одной Бельгійской газетѣ замѣчаютъ, что, по странному случаю первый, кому выдали подобный паспортъ съ новымъ заголовкомъ, былъ Генералъ Шаугарнѣ, который отправляется въ Германію и Италію. (J. de St. P.)

— Изъ Америки пишутъ, что Японская экспедиція готова къ отплытію. Въ Herald сообщаютъ, что другая экспедиція готовится въ Среднюю Африку, частью съ ученою цѣлю, а частью съ намѣреніемъ колонизаціи. Послѣдняя будетъ подъ начальствомъ Коммодора Ланча, прославившагося своими изысканіями на Мертвомъ Морѣ. (Фр. 3.)

ГІЕ-Ю-КО.

ТРИ ГРѢХА.

(Окончаніе.)

II.

Хитрникъ. — Хорошенькая навздица. — Горская честь. — Жадна добычи. — Три грѣха.

«Съ этого дня окаменѣло сердце Бурхана для прекрасныхъ чувствъ человека: оно запросило крови, мести и разбоя.»

Съ этого дня опустѣла сакля Осетина, и въ горахъ промчалась горькая и печальная вѣсть о томъ, что Доссану украли Кабардинцы. Кто не знаетъ истины, готовъ былъ свалить вину на Гасангъ-Бека, но юноша скоро оправдалъ себя, сдѣлавшись абрѣгомъ.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Бурханъ неистовствовалъ. Дни и ночи проводилъ онъ въ ущельяхъ и трещинахъ скалъ, грабя путниковъ, и не щадя ни женъ, ни дѣтей... Рѣдко навѣщалъ Осетинъ свою родную саклю, не желая, впрочемъ, разстаться съ нею навсегда. Были минуты, когда смолкала буря души его, и сердце пресло отдыха, купаясь въ страшныхъ воспоминаніяхъ, и прислушиваясь къ ужасному шепоту совѣсти; тогда-то онъ покидалъ ущелья и приходилъ на порогъ своей сакли.

Однажды мрачная, темная ночь раскинулась надъ скалами Осетіи. Дождь шумѣлъ, падая крупными каплями на горный кремень, и разлетаясь мелкими брызгами. Журча и завывая съжали потоки, хлеща мутнымъ каскадомъ черезъ камни, нависшіе надъ пропастью. Вѣтеръ начиналъ стихать въ то время, какъ молнія, сопровождаемая раскатами грома, тамъ и сямъ раскрывала облако, обливая на мгновеніе бѣловатымъ, но ярко-ослѣпительнымъ огнемъ черныя, мрачныя скалы.

Въ это время два путника осторожно, на измученныхъ коняхъ, пробрались лѣвымъ берегомъ Уруха. Бѣжавшій впередъ, казалось, не созданный былъ для сѣдла: онъ безпрестанно вертелся на немъ, и, при удвоенномъ бѣгѣ коня, непременно припадалъ къ нему на гриву. Другой, по-видимому, былъ лхой навздицъ: онъ прекрасно держался въ сѣдлѣ, и съ удивительною ловкостью управлялъ конемъ. По всему можно было заключить, что путники не были ни кунаками, ни знакомцами. Отставъ одинъ отъ другаго шаговъ на тридцать, они не старались сойтись... Наконецъ передовой всадникъ сдержалъ коня, и выждалъ минуту, когда отставшій поравнялся съ нимъ.

— Скажи мнѣ, кунакъ, спросилъ онъ, не Бурхану ли принадлежитъ сакля, которая прильпена къ скалѣ надъ самою рѣкою, и которую намъ освѣщаетъ изрѣдка гроза?

Отставшій гордецъ сдержалъ своего скакуна. — «Такъ и есть, подумалъ онъ, это женщина! Ну, спасибо ей, что заговорила, а ужъ криво хоть-лосъ посадить ей въ затылокъ пулю! Вотъ былъ бы шайтану праздникъ!... Стыдъ убить женщину!... Да гдѣ это она достала такое богатое вооруженіе?—Нѣтъ, эта сакля не Бурхана, мой чернокій кунакъ,» сказалъ онъ.

Навздица затрепетала. Гордецъ продолжалъ: «Была она его, это правда, а теперь и Бурханато самого, чай, шайтаны заколотили въ какую нибудь трещину Казбека.—Не бойсь, не проговорюсь; вѣдь въ горахъ никто не знаетъ, что мы навѣщаемъ эту саклю,» договорилъ просебя гордецъ.

— Но, я думаю, перебила навздица, что кто бы ни жель въ этой саклѣ, навѣрно онъ не откажетъ въ ночлегъ путнику?...

«Навѣрно не откажетъ ни путнику, ни путницѣ, отвѣчалъ лукаво гордецъ. Развѣ въ Осетіи не такъ же дѣлается какъ и у всѣхъ честныхъ горцевъ... Продай, красавица!»

Осетинъ стегнулъ плетью своего горячаго коня, и скоро скрылся изъ виду хорошенькаго навздица. Остановясь у сакли Бурхана, онъ обатовалъ своего скакуна, стряхнулъ мокрую бурку, и прикладомъ винтовки отперъ дверь шалаша.

— Кто пришелъ? спросилъ Бурханъ, лежавшій, по обыкновенію, на грязномъ войлокѣ.

«Успокойся, кунакъ, отвѣчалъ гость: это я, твой вѣрный товарищъ Гуля.»

— Откуда, и гдѣ пропадалъ?

«Изъ Аксаргина... Но, дѣло не въ томъ, товарищъ, приготовься встрѣтить гостя.»

— Гостю!

«Да, ужъ вѣрно будетъ просить у тебя ночлега и чурѣка.»

— Какъ! Женщина... и одна!

«Ихѣ! Большая диконина... Отчего же ей не ѣздить одной? Ей вѣрно хорошо известно, что въ горахъ ее никто не рывнетъ обидѣть... Развѣ ты не знаешь, что кто посягнетъ на жизнь или честь странствующей женщины, того люди, шайтаны и звѣри, растащутъ по клочьямъ?... И чуть-чуть было со мною не случилось этой бѣды... Вотъ хорошо было бы! Право, безъ страха не могу вспомнить... Брр... Гуля готовъ былъ убить женщину! И очень просто. Видишь ли какъ бы это могло случиться. Изъ Аксаргина выхалъ я еще засвѣтло, до этого проливнаго дождя, который вымочилъ меня такъ, что хоть выжимай бурку и душу. Крупною рысью нагналъ я всадника въ то время, какъ начинало темнѣть надъ нашими горами, и когда мелкій дождь только что запыргалъ пузырьками на Урухѣ... Стой, подумалъ я, вотъ славно бы переѣзжаться съ этимъ джигитомъ, да завладѣть его конемъ и вооруженіемъ.»

— Хорошъ конь, Гуль?
 «У!.. конь — сокровище. Я за него отдалъ бы правый глазъ и правую руку.»
 — Ну, а вооруженіе?
 «Все залито серебромъ и золотомъ, Бурханъ...»
 — Золотомъ! вскричалъ Бурханъ, приподнимаясь на войлокъ...
 «Да, все: шашка, винтовка, кинжалъ, съдло и уздечка... словомъ все! Вотъ я и приостановился, и выправилъ винтовку... Вдругъ всадникъ обернулся ко мнѣ... гляди, джигитъ-то мой безъ усомъ... и съ такимъ носкомъ, съ такими губенками... ну, руки у меня и опустились.»
 — Дуракъ, пожалъ пули!
 «Съ ума ты сошелъ, Бурханъ... Или у тебя у живого выклевали коршуну весь дряблый мозгъ?.. Убить женщину! Да развѣ случалось такое страшное дѣло въ нашихъ горахъ?»
 — Нѣтъ, но, было бы болото, черти заведутся, былъ бы случай...
 «Замажь ротъ твой хоть подонками твоей совести, вскричалъ Гуль. Ты врешь, какъ изстуженный абрекъ, да и у того не прыгнетъ съ языка такой гадъ, какимъ ты бросаешь въ мои уши. Перестань, Бурханъ. Хоть мы съ тобой и разбойники, но все таки горцы. Кто совершитъ два страшные грѣха: убьетъ женщину и оттолкнетъ странника отъ своего порога, тому при первомъ шагѣ на Эль-Сыратъ шайтанъ подставитъ косматую ногу, и грѣшнику летѣть въ преисподнюю джехеннема... Приготовься же, продолжалъ Гуль, встрѣтить и обласкать странника, а я избѣгу набрать хворосту; очажь нашъ холодите твоего сердца.»
 Съ этими словами горецъ оставилъ саклю.
 — Глухой мальчишка! прошепталъ Бурханъ, по выходѣ кунака: говорить о чести, о грѣхахъ. Золото — вотъ моя честь и совесть... Богатый конь, драгоценное вооруженіе! У, какъ защемило сердце, спросило оно своей обычной подачки! И Бурханъ, шатаясь, петвердымъ шагомъ, подошелъ къ противоположной стѣнѣ, сцупалъ свою винтовку, спялъ ее, и дрожащею рукою перевернулъ камень. Въ это мгновение, надъ крошечнымъ окномъ сакли раздавался конскій топотъ, и вольдъ затѣмъ три легкія удара въ дверь.

— Кого надо? нерышительно спросилъ Бурханъ.
 «Добрый человекъ, не откажи страннику въ почете; дождь измочелъ все мое платье до нитки, конь хрипитъ и мечется напуганный грозью,» отвечалъ слабый голосъ.
 — Сакля моя тѣсна, и въ ней нѣтъ мѣста для всякаго бродяги.
 «Но ради праха твоихъ отцевъ!»
 — Нѣтъ!
 «Сжался надъ бѣднымъ странникомъ; счастье и благополучіе внесу въ домъ твой...»
 — Нѣтъ!
 И слышно было какъ зарыдалъ бѣдный путникъ, повернувъ усталого коня отъ негостепримной сакли Бурхана.
 — По всему видно, что баба, прошептала Осетинъ: расплакалась! Ну, къ дѣлу.
 Съ послѣднимъ словомъ злодей уже былъ за саклей.
 Дождь не переставалъ лить ужасными потоками, и молнія все еще бороздила черное небо, когда Бурханъ, вспрыгнувъ въ сѣдло, заскакалъ впередъ путника, и сталъ на срединѣ тропинки.
 Скоро послышался мѣрный топотъ коня, двѣ или три искры сверкнули изъ-подъ его копытъ, и указали зоркому глазу хищника странника. Бурханъ привсталъ на стремянахъ, дрожа отъ волненія, выправилъ винтовку, и съ изстуженнымъ гикомъ ринулся впередъ, лѣвою рукою сдержалъ коня, а правую уставляя дуло винтовки въ припоръ къ груди странника.
 Въ ту же минуту надъ ближними горами разразился оглушительный раскатъ грома и молнія, казалось, разорвала облако, ярко и надолго осветила ужасную картину природы и преступленія.
 Злодей и жертва узнали другъ друга.
 «Бурханъ!.. братъ! вскрикнула дѣвушка.»
 — Доссана! сестра! простоналъ въ ужасѣ Осетинъ; но преступленіе было уже совершено; курокъ былъ сущенъ, и пуля прорвала грудь красавицы. Съ тяжкимъ волеми тихо покатила она на землю.
 «Джумлетъ опозоренный, что ты сдѣлалъ! шептала Доссана, взывая въ предсмертныхъ мукахъ. Три тяжкія и страшные грѣха свершилъ ты, зло-

дѣй! Ты продалъ меня, сестру, продалъ въ неволю, но я спаслась на дорогахъ, завладѣвъ оружіемъ и конемъ контрабандистовъ, и бѣжала въ родныя горы, бѣжала съ тѣмъ, чтобъ принести тебѣ спокійствіе и прощеніе... Ты въ несчастную ночь оттолкнулъ меня отъ своего позорнаго порога, ты отказалъ въ приютѣ страннику... Ты посягнулъ на жизнь женщины — и убилъ сестру! Пусть свершится надъ тобою кара небесная! Пусть земля не приметъ праха твоего, какъ ты не далъ страннику приюта! Пусть имя твое заклеится позоромъ, какъ имя убійцы тайнаго, убійцы женщины... Я умираю, и послѣднее мое слово — прощаніе тебѣ, преступный братъ!..»
 Убійца рыдалъ безъ слезъ. Дѣвушка, скрѣстивъ на груди руки, остановила на немъ взоръ, полный тоски и ужаса...
 На утро Гуль нашелъ трупъ Доссаны, прострѣленный пулею навывлетъ, а на третій день трупъ Бурхана, всплывшій наверхъ колодца, образовавшагося въ ужасную ночь — на мѣстѣ сакли.
 Съ тѣхъ поръ, говорятъ, кунаки, тѣмъ преступнаго Осетина бродить по скаламъ Кавказа, и съ дикимъ хохотомъ встрѣчаетъ караваны съ несчастными горянками. Многие рассказываютъ, что имъ не разъ случалось проводить страшныя ночи съ бродяжникомъ Осетиномъ, который встрѣчаетъ заповодахъ путниковъ, предлагаетъ имъ приютъ, и приводитъ къ своему колодцу...
 Вотъ теперь-то я и расскажу вамъ, кунаки, о встрѣчѣ съ этимъ бродяжникомъ Осетиномъ, и о томъ, какъ мнѣ самому удалось скоротать съ нимъ одну ужасную ночь на вершинахъ Казбека... Но, бросьте, храбрые джигиты, по одному чаури, въ рваную кабардинку Гіе-ю-ю...
 В. Савиновъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

У КНИГОПРОДАВЦА Н. Г. ОВСЯННИКОВА,
 въ Гостиномъ Дворѣ, по Садовой Улицѣ, въ лавкѣ подлѣ № 58-мъ, продаются слѣдующія новыя книги:
БЕСѢДЫ КАТИХИЗИЧЕСКІЯ,
 говоренныя Священникомъ І. Яковлевымъ. Изданіе второе. Спб., 1852. Цѣна 1 р. сер., вссов. за фунтъ.
ДОБРЫЯ КАЧЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ДѢТЕЙ.
 Соч. Блашара, перев. В. Цвѣткова, съ картинками. Москва, 1852. Цѣна 75 к. сер., вссов. за фунтъ.
РАЗСКАЗЫ МАМЕНЬКИ.
 Соч. Блашара, перев. А. Марковъ, съ картинками. Москва, 1852. Цѣна 75 к. сер., вссов. за фунтъ.
ПОЛНЫЙ РУССКІЙ КОНСКІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ,
 содержащій познаніе конскихъ признаковъ статей, лѣтъ, ковки и анатоміи; болѣзней конскихъ, леченіе оныхъ, собраніе къ тому нужныхъ травъ, съ ботаническимъ описаніемъ оныхъ; составленіе сложныхъ лекарствъ; наставленіе подробное къ содержанію конскаго завода и наконецъ обстоятельное руководство къ скотоводству, познанію болѣзней всякихъ скотовъ и леченію оныхъ. Соч. Г. Леоптия Мирт. Эваста. Изданіе четвертое. Четыре части. Москва, 1852. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 75 к. сер.
ВЛЮБЛЕННІЙ ВЪ САМОГО СЕБЯ,
 или
ВРЯЖЛЮЧЕНІЯ СЪ КРАСИЦАМИ.
 Романъ. Соч. И. Крылова. Двѣ части. Москва, 1852. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. сер.
 Гг. иногородныя особы благоволятъ адресоваться въ С. Петербургъ, на имя Николая Григорьевича Овсянникова.

ВЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ СВѢШНИКОВА,
 въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 16-й;
 въ Москвѣ, на Никольской Улицѣ, близъ Казанскаго Собора, №№ 4-й и 5-й, и
 въ Варшавѣ, у книгопродавца В. М. Истомина, на Краковскомъ Предмѣстьи, № 451-й, поступили въ продажу:
ПРЕПОДОБНЫХЪ ОТЦЕВЪ ВАРСАНУФІЯ и ЮАННА, РУКОВОДСТВО КЪ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ, въ отвѣтахъ на вопрошеніе учениковъ. Изданіе Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Одинъ большой томъ, до 600 стр. Москва, 1852. Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р. сер.
ПРЕПОДОБНАГО ОЦА НАШЕГО МАКАРІЯ ЕГИПЕТСКАГО, ДУХОВНЫЯ БЕСѢДЫ, МЫСЛИ и СЛОВА, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о его жизни и писаніяхъ. Переведено съ Греческаго при Московской Духовной Академіи. Москва, 1852. Одинъ большой томъ, болѣе 600 стр. Цѣна 2 р. 25 к., съ перес. 3 р. сер.
СКАЗАНІЕ О ЖИЗНИ и ПОДВИГАХЪ БЛАЖЕННАГО ПАМЯТИ ОЦА СЕРАФИМА, Саровской Пустыни Иеромонаха и Затворника съ присовокупленіемъ духовныхъ его наставленій, и начертаніе жизни старца Саровской Пустыни схимонаха и пустытника Марка. Съ изображеніемъ кончины Иеромонаха Серфима. Изд. третье. Москва, 1852. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. сер.
СЛОВО КАТОЛИЧЕСКАГО ПРАВОСЛАВІЯ РИМСКОМУ КАТОЛИЧЕСТВУ. (А. Н. Муравьева.) Москва, 1852. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к. сер.
 Гг. иногородныя, какъ за означенными здѣсь, такъ и прочими книгами, гдѣ и къмъ бы то ни было опубликованными, благоволятъ присылать свои требованія въ С. Петербургъ, на имя книгопродавца Николая Леоптьева. Свѣшниковъ, въ полной увѣренности, что все требуемое будетъ выслано съ первою почтою.

ТЕЛЕГРАФЪ.
ПЯТНИЦА, 5-го ДЕКАБРЯ.
 Отъ 8-ми до 10-ти час. утра и отъ 2 1/2 до 4 1/2 час. пополудни, Гимнастическое заведеніе Г. де-Рона, для мужчинъ, и отъ 11-ти до 2-хъ час., для дамъ, въ домѣ Коммандера Общества (на Английской Набережной).
 Отъ 10-ти до 8-ми час. — Открыта выставка вещей, назначенныхъ въ лоттерей въ пользу Александинскаго Евангелическаго Заведенія (у Синяго Моста, въ домѣ Якушкина).
 7 1/2 час. — На Большомъ Т.: 10-е представленіе 3-го абонементна Итальянской Оперы: Пуритане.
 7 час. — На Александринскомъ Т.: Тарасъ Бульба, драма; Стамбульская актриса, или Женитъ и хлорформъ, водевилъ; Евгений Онегинъ, изъ поэмы Пушкина; Мужъ не мужъ, жена не жена, комедія-оперетта; Дивертиссементъ, составленный изъ декламаций, пѣнія и танцевъ.
 7 час. — Въ Театрѣ-Шинкѣ. Большое конное представленіе.
СУББОТА, 6-го ДЕКАБРЯ.
 Въ 11 час. — Маскарадъ на Большомъ Театрѣ.
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7-го ДЕКАБРЯ.
 Въ часъ. — Шестое музыкальное утро въ С. Петербургскомъ Университетѣ. Программа утра: симфонія (Es dur), Шпери; соло; увертюра (Valse), Липшайнтера.
 2 час. — Четвертое и послѣднее музыкальное утро Г. Контскаго, на углу Почтамтской Улицы, противъ Пискаревъ, Собора, въ залѣ 1-го Миллеван.
 6 1/2 час. — На Михайловскомъ Т.: Pour le dernier bénéfice de Mr Prosper Gothe: Reine, Cardinal et Page, comédie; Le tricorne enchané, bastonnade; Paris et St. Petersburg; ou voyage dans La nouvelle Californie, pochade mêlée de couplets; La prova d'un opéra seria, opéra-buffa.
ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.
 Изъ С. Петербурга въ Царское Село: въ 8, 12, 3 1/2, и 7 час.
 Изъ Царскаго Села въ С. Петербургъ: въ 10, 2, 5 1/2 и 9 час.
 Изъ Павловска въ Царское Село: въ 9 ч. 40 м., 1 ч. 40 м., 5 ч. 10 м. и 8 ч. 40 мн. Изъ Царскаго Села въ Павловскъ, паровозы отходятъ немедленно по приѣздѣ изъ С. Петербурга.
 Подписка на полученіе Свѣрной Пчелы въ 1853 году принимается въ Контоу Редакціи Свѣрной Пчелы, на Мойкѣ, у Цѣпнаго Почтамтскаго Мостика, въ домѣ Греча, подлѣ № 83-мъ, и въ мѣстахъ, означенныхъ въ заглавіи газеты. Подписная цѣна за годовое изданіе безъ пересылки 12 р. сер., съ доставкою въ С. Петербургъ 15 р. сер., съ пересылкою въ города 16 р. сер. За полугодное изданіе безъ пересылки 7 р. сер., съ доставкою въ С. Петербургъ 8 р. 50 к. сер., съ пересылкою въ другіе города 9 р. сер.
 При семъ разсылаются два объявленія: 1) о журналѣ Revue Etangère (для всѣхъ подписчиковъ); 2) о Русскихъ книгахъ книгопродавца Александра Васильева Булаковского (для иногородныхъ подписчиковъ).